

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина»
(ФГБОУ ВПО «АГАО»)
Факультет истории и права
Кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин

Историография гуситских войн

Дипломная работа

Выполнил студент
И-ИЮ103

Табакаев

Константин Дмитриевич

Научный руководитель:
канд. истор. наук, ст. преп.доцент

Коляскина

Елена Александровна

(подпись)

Оценка _____

« ____ » _____ 2015 г.

Допустить к защите
Зав. кафедрой историко-
правовых и социально-
гуманитарных дисциплин
канд.истор.наук, доц.

Орлов Дмитрий
Сергеевич

Содержание

Введение	3
Глава I. Западная историография гуситских войн	
1.1. Чешская историография	10
1.2. Историография западной Европы и США	39
Глава II. Отечественная историография гуситских войн	
2.1. Дореволюционная историография	48
2.2. Советская историография	56
2.3. Современная историография	66
Заключение	77
Литература	81

Введение

Гусизм явился порождением кризисной эпохи социальных, сословных, политических и конфессиональных конфликтов в Европе, начавшихся приблизительно со второй половины XIV в. К этому добавились ситуация в самой Чехии: ухудшение роли в международном сообществе (Чехия утратила положение центра империи), ослабление в государстве центральной власти и церковная схизма, которая вела к общему падению авторитета духовенства в обществе. Попытка короля в его борьбе с сепаратизмом крупных феодалов опереться на слой мелкой и средней шляхты не принесла желаемого результата, так как шляхта в то время ещё не имела достаточного политического влияния и веса в обществе. Спецификой гуситского движения было его глубокое идейное содержание. Гуситская идеология была выработана группой чешских магистров пражского университета – сторонниками Реформации Иеронимом Пражским, Яном Гусом, Матвеем из Янова и Яковом Малым из Миса.

Актуальность проблемы. На холме Витков на севере Праги располагается Национальный мемориал с одним из символов чешской столицы – конной статуей Яна Жижки из Троцнова, знаменитого полководца начала XV века, героя гуситских войн, эхо которых тогда разносилось по всей Европе. Несколько лет назад, когда на чешском телевидении проходила игра-голосование «Величайший из чехов», в ходе которой зрители выбирали самых выдающихся деятелей национальной истории, Ян Жижка занял почетное пятое место, опередив, в частности, Яна Гуса, Антонина Дворжака и Карела Чапека. Полуслепой седовласый всадник с традиционным оружием гуситов - палицей в руке остается одной из самых выразительных фигур чешской истории. Его судьба - пример того, как в бурную эпоху гуситских войн сливались воедино смелость и жестокость, преданность идее и честолюбие, воинский талант и бесшабашность. Гуситское движение в Чехии в XV в. являлось одной из самых ярких и судьбоносных страниц не только в

истории этой страны, но и всей средневековой Европы. Поэтому неудивительно, что интерес к его изучению не ослабевает у историков разных стран до сих пор. В разное время это движение, в зависимости от политической и историко-научной конъюнктуры, получало разные противоречивые оценки - от признания высшим и самым значительным событием национальной истории Чехии (периоды романтизма и марксизма) до почти полного отрицания его значения (Й. Пекарж, некоторые современные чешские историки). Актуальность данной работы обусловлена фактом постоянно меняющихся оценок гуситского движения в современной отечественной историографии, чутко откликающейся на события, в первую очередь, чешской исторической науки и общественно-политические реалии. В новейшее время на первый план вышли проблемы глобализации и европейской интеграции в рамках ЕС, в который Чехия вступила в 2004 г. Политическая конъюнктура изменилась, и некоторые чешские историки занялись пересмотром оценок тех периодов истории своей страны, которые, по их мнению, благоприятствовали или препятствовали ее интеграции в Европу. Одним из таких исторических этапов и стало гуситское движение. Изучение гуситской эпохи осталось актуальным и в современной России, несмотря на политические и социально-экономические катаклизмы, произошедшие в стране в 1990-х гг., и общее состояние современной отечественной исторической науки. Российские историки, как и их чешские коллеги, также находились в процессе формирования новых трактовок гуситского движения. Отдельные отечественные исследователи взяли на вооружение его негативную характеристику.¹

Историографические труды по гуситской проблематике, которые подробно анализировались гуситоведческими учёными кругами, стали появляться в основном с 1960-х гг. Их можно разделить на два вида: сочинения, в которых рассматривалась чешская домарксистская историография и работы, посвященные послевоенной гуситологии, в том

¹ Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография. М., 2010. С.102.

числе зарубежной. В освещении последней наблюдалась тенденция пути от кратких очерков, критиковавших «буржуазную» историографию гуситского движения в США, Великобритании, в 1960-е гг.,² до всестороннего анализа развития либерального и консервативного направления, например, в немецкой гуситологии позапрошлого века, которая дала почву для осмысления гуситского движения как многогранного события мировой истории, имеющего признаки и гражданской и религиозной войн, что, например, описано в работах А.Н.Галямичева 1980-х гг.³ Кроме того, освещалась историография гуситского движения и ряда социалистических стран Восточной Европы (Югославии, ГДР, Польше, Венгрии). В анализе работ чехословацких, а затем и современных чешских историков коммунистического и посткоммунистического периодов авторы-гуситологи прослеживают тенденцию от «мягкой» полемики с чехословацкими учеными-марксистами в 1950-х - 1960-х гг. до восприятия уже немарксистской концепции гуситского движения в современной чешской историографии отдельными чешскими исследователями или ее неприятия большинством других историков в 1990-е гг.⁴ Другие российские историки настаивали на более сбалансированной точке зрения. Таким образом, как в советское время, когда господствовала марксистская интерпретация гуситского движения, так и в постсоветский период, в условиях отсутствия его общей концепции, изучение изменений в его трактовке по-прежнему остается актуальной проблемой отечественной историографии.

Стоит отметить авторов, в разное время занимавшихся историографией по теме гуситских войн. Чешские историографы представлены именами Т.

² Лаптева Л.П. Проблема гуситского движения в новейшей американской и английской исторической литературе // Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 370-381.

³ Галямичев А.Н. К проблеме истолкования сущности гуситского движения // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1990. С.18-125; Галямичев А.Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X — начала XIII вв.). Саратов., 1995. С. 56-78.

⁴ Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970-1990) // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.77-95.

Крзенца, в частности работой «Проблемы историографии Гуситских войн»⁵, в которой он освещает основные направления изучения исторической науки в Чехии на протяжении трёх столетий и влияние на общественную мысль чешских историков внешнеполитических факторов. Р. Ферстл в статье «Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина»⁶, в первую очередь описывает заслуги Богуслава Бальбина перед мировой исторической наукой и рассказывает о развитии научных школ Чехии XIX века. Ч. Цисарж статьёй «Ленинизм и гуситология» раскрывает влияние социалистического периода в истории Чехии на развитие научной жизни в стране.⁷ Отечественной историографией Гуситских войн занимались и занимаются такие авторитетные историки как И.И. Бучанов (к примеру книга «Гуситское движение: отечественная историография», в которой автор освещает основных отечественных авторов-гуситологов и их концепции изучения чешской истории);⁸ Л.М. Гаркуша, занимающаяся в основном зарубежной историографией и биографиями чешских историков⁹; Г.Э. Санчук, помимо изучения чешской шляхты писавший о советских учёных-историках, которые посвящали свои труды гуситам.¹⁰ Ю.Ф. Иванов, как и Г.Э. Санчук, тоже изучал труды советских историков о гуситах, и в своей статье «Гуситское движение в советской историографии (конец 30-х - начало 50-х годов)» сформулировал основные направления марксистской системы написания истории на примере

⁵ Крзенцк Т. Проблемы историографии Гуситских войн // Вестник МГУ 95/1997. С.460-472.

⁶ Ферстл Р. Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина// Славяноведение. 2004. № 4. С. 68-76 (перевод И.И. Бучанова).

⁷ Цисарж Ч. Ленинизм и гуситология. // Чехия 96/1998. №5. С. 268-300.

⁸ Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография. М., 2010. С. 22.

⁹ Гаркуша Л.М. Изучение чешской гуситологии в период 1989-2005 // Вопросы истории славян. 15/2006. С.319-367; Гаркуша Л.М. Новый подход в чешской историографии к источниковой базе гусизма (80-90-е годы XX века) // Вопросы истории славян. Воронеж, 16/2004. С.221-234.

¹⁰ Санчук Г.Э. Гуситское движение в советской историографии, // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М,1973. С.44-59.

гуситского движения.¹¹ А.В. Рандин в сотрудничестве с Е.Д. Кульшетовым в статье «Советская историография гуситского движения» одними из первых раскритиковали советскую модель написания истории, представив при этом своё видение как изучение истории с множества позиций и исторических концепций.¹² Наиболее авторитетным славяноведом является Лаптева Л.П., до сих пор продолжающая свою научную деятельность, и имеющая большое количество статей и книг по славяноведению, в которых автор доступным научным языком рассказывает о направлениях мировой исторической науки и, в частности, славистики.¹³ Саратовский историк А.П. Пашинин в ряде статей о чешской историографии описывает основные различия и общие черты взглядов чешских исследователей на собственную историю, которая, по словам автора, тесно переплетается с историей России на разных этапах политического развития.¹⁴

Историография гуситских войн многогранна в концепциях рассмотрения этой темы авторами, и на разных этапах изучения этого периода данные исторические события трактовались в зависимости от господствующей модели изучения истории в целом, что можно увидеть на примере рассмотрения истории Богемии через призму марксистских учений или капиталистических взглядов. Тенденции влияния идеологий разного времени наблюдались и в источниковедческих работах, освещавших гуситское движение. Публикации 1940-х – 1980-х гг. отличались фрагментарностью,

¹¹ Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в советской историографии (конец 30-х - начало 50-х годов) // Советское славяноведение. 1982. № 3. С.43-52.

¹² Рандин А.В., Кульшетов Е.Д. Советская историография гуситского движения // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов.- Йошкар-Ола, 1991. С.64-77.

¹³ Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970-1990)//Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.77-95; Лаптева Л.П. А. Дювернуа и его работы по истории славян // Советское славяноведение. 1978. №3. С. 59-73; Лаптева Л.П. Иероним Пражский в русской историографии XIX начала XX в. // Вестник Московского университета. 1970. Сер. История. № 6. С. 43—55.

¹⁴ Пашинин А.П. Участие шляхты в Гуситском движении в освещении чешской историографии XIX-XX вв. // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. №6. С. 93-102.

стремлением показать революционную деятельность Яна Гуса и представителей радикального крыла гуситов (таборитов) в гражданской войне. Лишь в конце 1980-х - 90-е гг., после демократического перестроения чешского общества, других стран соцлагеря и относительного освобождения истории как науки, чешские историки перестали рассматривать через призму марксизма движение гуситов как борцов за равенство, стали уделять внимание умеренным гуситам (чашникам) и представителям католического лагеря.

Объектом исследования является историческая наука на всём протяжении изучения историографии Гуситских войн.

Предметом служит концепция гуситского движения в историческом научном дискурсе от современников события до начала XXI в.

Хронологические рамки работы охватывают период от Гуситских войн (30 июля 1419 – 30 мая 1434 года) до наших дней.

Целью данного исследования является изучение концепций и оценок событий в исторических работах зарубежных и отечественных историков, хронологические рамки которых охватывают период с XV века до современности.

Цель достигается следующими задачами:

1. Исследовать основные работы по теме Гуситских войн представителей западной и отечественной историографии,.
2. Сравнить характер научных трудов на разных этапах изменения общественного, научного и политического отношения к этим историческим событиям, которые в разные годы интерпретировались через призму социально-политических течений, правивших в той или иной стране.
3. Выделить основные точки зрения и концепции в историографии гуситских войн.

Методы, использованные в работе:

1. Описательный метод в исследовании представлен собранным материалом по событиям гуситских войн, перечислением дат

основных событий Гуситских войн, имён полководцев и населённых пунктов Богемии, и других исторических деталей, встречающихся в источниках и описывающих отношение авторов к событиям.

2. Сравнительно-исторический метод в данной работе представлен выявлением сущности изучаемой темы путем сравнения характеризующих ее и сопоставимых между собой исторических концепций изучения Гуситских войн.
3. Историко-генетический метод состоит в последовательном раскрытии изменений исторических взглядов на гуситское движение в процессе исторического развития чешской, западноевропейской, отечественной и американской исторической науки.
4. Генетический метод позволяет обнаружить причинно-следственные связи, закономерности исторического движения того или иного общества.

Научная новизна и значимость работы определяются:

1. Изучением особенностей отношения историков к событиям Гуситских войн в зависимости от концепции взглядов того или иного автора.
2. Выявлением взаимосвязи взглядов авторов из разных стран.

Практическая значимость исследования: материалы и результаты исследования могут быть использованы в ходе преподавания истории средневековья и тематических курсов.

Глава I. Западная историография гуситских войн

1.1 Чешская историография

Среди литературных сокровищ, написанных современниками событий и сохранившихся до наших дней, первое место принадлежит «Гуситской хронике» известного писателя Лаврентия (чеш. Вавржинца) из Бржезовой. Один из первых старочешских поэтов, писателей и хронистов, Лаврентий стал первым историком Гуситских войн. Можно даже сказать, что «Гуситская хроника» Лаврентия является основой наших сведений о зарождении и первых годах гуситского движения. Среди мелких свидетельств хронистов, среди отрывков гуситской литературы резко выделяется труд Лаврентия. С широким творческим размахом, необыкновенной живостью и художественным совершенством воссоздает Лаврентий бурные годы от 1414 до начала 1422 г.¹⁵ В эти восемь лет, которым посвящен волнующий рассказ Лаврентия, в истории Чехии произошло больше событий, чем порой происходит в целое столетие. Эта книга является главным письменным источником по истории гуситского движения. Время ее написания точно не известно. Но в ней описываются события, произошедшие в Чехии в 1414 – начале 1422.¹⁶ Стоит отметить, что статус данной хроники, как и её автора, весьма сложен и для нас она интересна как работа историка.

Возможно, некоторые ее части (особенно сбивчивые и пафосные) написаны непосредственно вслед за событиями. Но скорее всего, автор работал над Хроникой до конца жизни: во всех сохранившихся рукописных списках повествование обрывается на середине фразы.

Не исключено, что Лаврентий намеревался описать всю историю гуситских войн, но успел описать только восемь победных лет. Во введении автор рассказывает о вопросе причащения (ставшем формальной причиной к

¹⁵ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 102.

¹⁶ Там же. С. 120.

восстанию гуситов) и о героической борьбе магистра Яна Гуса на Констанцском соборе. Начиная с событий 1419 повествование делается шире и подробней. Поэтому Лаврентий в начале своей хроники говорит о причащении под обоими видами и повествует о героической борьбе магистра Яна Гуса на Констанцском соборе. Однако этим важнейшим историческим событиям он придает все же меньшее значение, чем годам собственно революционных боев, начавшихся в 1419 г. Время до 1419 г. является только введением к главному повествованию. Уже благодаря этой концепции его хроника резко отличается от обычных средневековых хроник, которые год за годом механически и бесцветно регистрировали события. «Гуситская хроника» не имеет ничего общего с подобными анналами. В центре ее стоит одна проблема, событие огромного исторического значения — гуситская революция, гражданская война.¹⁷

Особое внимание сосредоточено на Таборе: в «Гуситскую хронику» вставлено самостоятельное повествование о возникновении и развитии Табора, о хилиазме (Учение о пришествии Христа и о тысячелетнем его царстве, которое наступит после победы гусизма) и хилиастической общности потребительских имуществ (сведения о хозяйственной стороне коммуны больше практически ни в каких источниках не встречаются, что делает книгу Лаврентия уникальной). Хроника повествует о поражении таборитской бедноты во главе с Яном Желивским, о дальнейших победах Жижки, приветствуются успехи Праги. Кончается книга описанием славной битвы у Кутной Горы и бегства из Чехии «рыжей бестии» - короля Сигизмунда (сам Лаврентий в жизни долго стоял за посылку посольств из Праги к Сигизмунду и лишь после того, как переговоры сорвались, стал сторонником вооруженного сопротивления).¹⁸

В целом Лаврентий выступает в хронике с центристских позиций: «Король Сигизмунд, явный гонитель истины, с одной стороны, и еще с

¹⁷ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 134.

¹⁸ Там же. С. 167-200.

большой жестокостью табориты - с другой, сея повсюду пожары, превратили благородную и плодородную богемскую землю почти в пустыню, бесчеловечно сжигая не только костелы и монастыри, но и людей светских и духовных». ¹⁹ Оригинал «Гуситской хроники» не сохранился. До нас дошли лишь её рукописные копии от XV-XVI вв., хранящиеся в библиотеках Вроцлава, Праги, Любковиц, Вольфенбюттеля, Вены, Кодани и Дечина.

Во время службы при дворе Вацлава IV, Лаврентий из Бржезовой, как и король, проникся симпатией к учению и проповедям Яна Гуса, тогда же он высказывал мнение о том, что изучение движения гуситов является одной из наиболее важных проблем для Богемии того времени. Лаврентий из Бржезовой до сих пор является основным автором по истории Гуситских войн и одновременно современником тех событий.

Ещё одним важным автором-современником и свидетелем тех событий является Бартошек из Драгониц – богемский хронист, летописец и участник Гуситских войн. Бартошек вёл летопись данных событий, названную впоследствии «Хроникой Бартошека из Драгониц» – это произведение написано на латыни и описывает события с 1419 до 1443 годов. ²⁰ Потомок богемских феодалов, будучи рыцарем и владельцем поместья в Карлштейне, Бартошек воевал на стороне Сигизмунда и католической церкви против отрядов ополчения – гуситов. В 1421 году Бартошек командовал обороной Града Праги. После отступления армии императора защищал замок Карлштейн и богатства королей Богемии, перевезённые из Праги. Впечатления от гражданской войны, на полях которой сражался летописец, легли в основу его «Хроники». ²¹ Автор пишет только то, что видел и слышал сам. Несмотря на то, что Бартошек воевал на стороне императора, автор беспристрастен по отношению к гуситам. Эта хроника часто подвергалась критике и обвинениям в примитивизме, так как не описывала политическую

¹⁹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962. С. 154-156.

²⁰ Бартошек из Драгониц. Хроника Бартошека из Драгониц. М., 1963. С. 15.

²¹ Там же. С. 24.

позицию автора, у которого, кроме всего прочего, отсутствовал талант писателя.

С другой стороны, данный исторический документ является единственной чешской хроникой того времени, дошедшей в оригинале до наших дней. По этой причине она является основным источником о движении гуситов и гуситских войнах. В Хронике также содержатся короткие сообщения на чешском и латинском языках об отдельных годах с 1310 по 1464 год, некоторые из которых, вероятно, также принадлежат Бартошеку.

Проанализированные выше работы по истории Богемии во времена Гуситских войн являются самыми важными источниками по этому вопросу не только из-за того, что написаны современниками и участниками этих событий, но и потому, что эти авторы относительно нейтрально описали и стороны конфликта, и их цели в гражданской войне.

Разграничительная черта между сторонниками и противниками гусизма проходила не между отдельными сословиями, социальными слоями и группами, а внутри них. Не отрицая важности экономических и политических факторов, нельзя недооценивать вопросы внутренних убеждений и понимания христианской веры. Поэтому принципиально ошибочно объяснять мотивы участия в гуситском движении только экономическими и политическими интересами, о чём говорится в большинстве источников по этой теме, в основном написанных современниками событий.

Чешский эрудит, энциклопедист, педагог и историк XVII в. Богуслав Бальбин, один из главных идеологов чешского патриотизма в условиях утраты страной политической независимости, писал в духе идеализации истории Чехии. Б. Бальбин выступал за сохранение национального языка и истории как двух основ процветания нации. На идее патриотизма основаны три основных энциклопедических труда автора: «Различные сведения по истории Чешского королевства», «Защита языка славянского, особенно

чешского» и «История Чехии». Примечательно, что ратуя за сохранение родного чешского языка, все труды автора написаны на латыни. По словам автора это было сделано с тем, чтобы далеко за пределы Чехии распространялась ее слава среди образованного мира.²² О гуситском движении Б. Бальбин подробно говорит в «Истории Чехии», изданной в 1677 г. в семи томах. Шестой том «Истории Чехии» актуализировал славные прошлые победы гуситских войск, автор призывал черпать силы в минувшей славе чехов, которые не утражились могучей Римской Империи и вступили в бой за правду.²³ Наиболее основательно в описании событий гуситских войн Б. Бальбин останавливается на двух битвах - сражении на Витковой горе и битве у Липан. Автор описывает события, воспевая доблесть и отвагу народа, который пришёл на помощь гуситам во время боёв на Витковой горе, которое решало судьбу Праги. Также, Б. Бальбин первый говорит о примерной численности сторон в сражении и примерном количестве потерь. При этом автор делает упор на малое количество гуситов (примерно 100 человек), противостоящих во много раз превосходящей силе противника (около 3-4 тысяч), и тактически победивших врага. Немалую роль в этом сыграло население Праги.²⁴ Битва у Липан Бальбиным названа судьбоносной. Влияние её, говорит автор, ощущается до сих пор, так как раскол среди гуситского лагеря повлёк за собой поражение Чехии, интервенцию и потерю независимости. Слова Сигизмунда, императора Римской империи, «Чехи могут быть побеждены только чехами» автором расцениваются как пророческие, Бальбин говорит о возрождении чешской нации, которая скоро одержит победу над захватчиками.²⁵

²² Ферстл Р. Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина // Славяноведение. 2004. № 4. С. 68-76 (перевод И.И. Бучанова).

²³ Виппер Ю.Б., Самарин Р.М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. - М., 1954, С. 150-164.

²⁴ Там же. С. 185-191.

²⁵ Ферстл Р. Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина // Славяноведение. 2004. № 4. С. 68-76 (перевод И.И. Бучанова).

Конец XVIII и первая половина XIX в. в чешских землях, входивших в состав многонациональной Австрийской империи, были ознаменованы разложением феодального способа производства и становлением капиталистических отношений. В общественной жизни на первый план выдвинулись проблемы, связанные с формированием буржуазной нации в Чехии, о чём говорится в ряде произведений Фридриха Энгельса. Это был период национального возрождения. Рост национального самосознания проявился, прежде всего, в усилении внимания к родному языку и культуре как важнейшим средствам сплочения нации. Патриотически настроенная интеллигенция и молодая чешская буржуазия пытались объединить вокруг себя различные общественные слои. Перед национальными деятелями стояла задача обосновать законность требований национального движения, выработать его программные установки. С этой целью был использован материал отечественной истории.²⁶ Чешские историки конца XVIII — первых десятилетий XIX вв. публиковали свои работы, как правило, на немецком языке. Фактический правитель Австрийской империи в 1835—1848 гг. Меттерних запрещал пользоваться чешским языком в научных целях. Отсутствовали национальные центры исторической науки, история Чехии фактически не изучалась. Это сильно ударило и по изучению гуситского движения. Чешское общество наук, возникшее еще в XVIII в., являлось по составу преимущественно немецким. Исторические работы в его изданиях публиковались крайне редко. Перемены наметились к концу второго десятилетия XIX в. в связи с ростом национального движения. В 1818 г. в Праге был основан Чешский музей, вокруг которого сплотился ряд ученых-патриотов. Их усилия были направлены на собирание исторических, археологических и художественных памятников. В 1827 г. стал издаваться «Casopis Ceskeho musea» («Журнал Чешского музея») на чешском и немецком языках. Превратившись в первый периодический орган историков, этот журнал способствовал повышению уровня их исследований. Несколько

²⁶ Энгельс Ф. Борьба в Венгрии //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.2-е изд.Т. 6.С.180.

позднее было создано просветительское общество «Матица чешская», объединявшее либеральную интеллигенцию. Оно выпускало научную литературу. По мере приближения революции 1848 г. усиливалась социальная и политическая значимость исторической науки, возрастало ее влияние на другие сферы общественного сознания. Издавались фундаментальные собрания источников. При Чешском музее было создано Археологическое общество, которое в 50-е годы XIX в. начало выпускать специальный журнал «Pamatky archeologicke» («Археологические памятники»). Первые ростки нового подхода к изучению истории были в чешских землях связаны с воздействием идей Просвещения. Развернувшаяся в чешских землях во второй половине XVIII в. деятельность «будителей», видевших свою главную задачу в пропаганде родного языка, развитии литературы и искусства, распространялась на изучение исторической грамматики, истории литературы, исторического прошлого.

Утверждение основ критического подхода к источникам началось с Франтишека Пелцла (1734—1801). Обратившись к источникам, он начал очищать чешскую историю от легенд и написал «Краткую историю Чехии». Он пересмотрел феодально-католическую концепцию истории гуситского движения и считал гуситов героями. В третьем издании книги (1782) Пелцл писал о Гусе как о патриоте, взгляды которого сложились в борьбе с немецким засилием, высоко оценил его борьбу за права чешского языка. Проследив идейную связь между проповедями Гуса и выступлением гуситов, Пелцл сделал вывод, что они продолжали национальную традицию знаменитого проповедника. Пелцл написал также «Историю немцев в Чехии» (1788), в которой много внимания уделено борьбе чехов с немцами и деятельности Яна Жижки.²⁷

Причины гуситского движения Пелцл стремился выявить в работах, посвященных Карлу IV и Вацлаву IV. Он считал, что политика этих королей

²⁷ Лаптева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985. С. 116-120.

способствовала развитию национального чувства чехов, которое проявлялось в постоянных спорах и стычках с немцами. В этих же работах показан упадок в стране авторитета католической церкви вследствие низких моральных качеств духовенства. Взгляды Пелцла расходились с мнением католических авторов, не признававших социальных причин гусизма.²⁸

На рубеже XVIII и XIX столетий началась деятельность основателя научной славистики Йозефа Добровского (1753—1829). Он подчеркивал роль крестьянства как хранителя традиций национальной культуры. В его «Истории чешского языка и литературы» (1792) эпоха гусизма рассматривалась как время расцвета самобытной национальной культуры, а Гус представлен был как выдающийся ее представитель. Добровский подверг критике феодально-клерикальную идеологию. Он одним из первых обратил внимание на роль гуситского движения в развитии чешского языка, литературы и культуры, на заслуги Гуса в установлении нового чешского правописания. Добровский приступил к изучению деятельности левых таборитов. Для этого он ввел в научный оборот «Гуситскую хронику» Лаврентия из Бржезовой. К умеренным гуситам Добровский относился с симпатией, а его точка зрения относительно левых таборитов совпадала с доктриной католической церкви.²⁹

Накануне революции 1848 г. в национальном движении сформировалось радикально-демократическое течение. Его идеологи (Э. Арнольд, К. Сабина, В. Фрич и др.) ратовали в первую очередь за социальные преобразования, выдвигая демократические лозунги. В своих публицистических выступлениях они часто обращались к прошлому. Хотя они и не являлись профессиональными историками, их взгляды легли в основу концепций демократического крыла чешской позитивистской школы историографии гуситского движения. На Эмануэла Арнольда (1800—1869) сильное влияние оказали идеи утопического социализма. Он рассматривал современную ему

²⁸ Лаптева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985. С. 117.

²⁹ Там же. С. 136.

революционную борьбу как часть общего исторического развития, а политическую активность крестьянских масс как необходимое условие победы революции. Книгу «Деяния гуситов, изложенные с особым вниманием к Яну Жижке» (1848), Арнольд писал под непосредственным воздействием революционных событий. Он ставил в пример современникам выступление гуситов, называя его революцией, целью которой было, по его мнению, установление социального равенства, национальной свободы и республиканского строя. Арнольд высоко оценивал значение гуситских войн. Главную силу таборитов он видел в крестьянстве и ввел в чешскую историографию термин «крестьянская война». Поражение таборитов Арнольд объяснял происками шляхты, которая хотела стать полным хозяином страны. В то же время он модернизировал прошлое. Так, Жижку он считал аграрным социалистом, который отнимал землю у богачей, чтобы наделить ею малоимущих. Высказывания и взгляды Эмануэла Арнольда цитирует чешский историк А. Ленц в своей книге «История Западной философии».³⁰

Начало систематического изучения гуситского движения в Чехии было положено в середине XIX столетия выдающимся чешским историком, родоначальником и главным представителем романтической историографии, идеологом национального возрождения Франтишеком Палацким (1798-1876). Им было найдено и описано много ценных источников, на основании которых он создал свой фундаментальный труд «История чешского народа в Чехии и Моравии». В ней автор дополняет своё определение сути гуситской революции.³¹ Он подчёркивает, что гусизм представлял собой революцию перед революциями, первый этап европейских реформации и революций, причём термин «революция» не ограничивается только отношением к ранним формам капитализма, как утверждали историки марксистского направления. Далее автор анализирует эволюцию пражских волнений в

³⁰ Ленц А. История Западной философии. Л., 1963. С. 105-110.

³¹ Палацкий Ф. Гуситы в Моравии. М., 1939. - I-VI.

период с 1419 по 1483 гг. и доказывает общность их происхождения. Важно, что Ф. Палацкий первым объединяет все политические изменения в Чехии вплоть до 1485 года, включая восстание в Праге 1483 года в «гуситский период». Его исследование, написанное с позиций исторического романтизма, призвано обратить внимание современников на героическое прошлое страны в условиях национального возрождения, показав положительные, преобразующие стороны гражданской войны, ставшие важной вехой становления новой чешской государственности. Гусизм он оценивает как наивысший этап развития Чехии, а его причины видит в противостоянии славянства и немцев.³²

К либеральному крылу чешской историографии принадлежал также Карел Яромир Эрбен (1811 — 1870). Его научные интересы были направлены главным образом на сбор, перевод, комментирование и издание источников. Им было подготовлено собрание грамот Чехии и Моравии времён Гуситских войн и произведения Яна Гуса.³³ Публикации Эрбена получили признание в ученом мире. Характерное для представителей романтического направления Палацкого и Эрбена преувеличение значения гуситов в истории обусловило идеализацию ими Гуса и Жижки и общественного строя Чехии XIII— XIV вв. Они считали, например, что Пшемьсл II, Карл IV, Иржи из Подебрад правили по воле народа.³⁴ Историками этого направления недооценивались социально-экономические факторы общественного развития. Отсутствие у них интереса к другим периодам истории привело к тому, что изученность раннего средневековья и нового времени оставалась очень слабой.

Огромный вклад в изучение гуситского движения внесли представители позитивистской школы: В.В. Томек (1818-1905), изучавший наследие идей

³² Палацкий Ф. Гуситы в Моравии. М., 1939.- XIX.

³³ Богданова И. А. К. Я. Эрбен: Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963. С. 143.

³⁴ Палацкий Ф. Гуситы в Моравии. М., 1939.- VI.

магистра Яна Гуса³⁵, Я. Седлак (1871-1925), являвшийся сторонником реформирования духовенства Богемии военным путём как важной вехи в становлении современного чешского государства³⁶, М.В. Кротохвил (1904-1988), описавший значение духовного авторитета магистра Яна Гуса среди народа Богемии и силу военного таланта Яна Жижки³⁷, Я. Голл (1846-1929), ставший крупным чешским медиевистом и обладающий большим числом последователей. Голл в своих трудах рассказывает о средневековой Чехии, останавливается на обществе, социальном составе, особенностях богемского социума при различных правителях и исторических событиях, останавливается он и на движении гуситов, их преобразованиях на духовно-религиозном, военном и политическом поприщах, замечая, что XVI век для Чехии стал веком общественного перелома, реформации всех слоёв общества.³⁸ Позитивисты разыскивали и публиковали источники по гуситскому периоду и на их основе исследовали социально-экономические аспекты развития страны в гуситский период, состояние церкви в начале XV века, что показано например в исторических трудах К. Крофта (1876-1945), повествующих о христианских течениях и их ответвлениях, существовавших в Богемии во времена Средневековья, а также их отношениях между собой.³⁹ Систематизировались взгляды магистра Яна Гуса, предшественника протестантизма Джона Виклифа и идеолога Чешских (Моравских) братьев Петра Хельчицкого, о чём рассказывают книги А. Ленца (1829-1901)⁴⁰, и Я. Седлака(1871-1925).⁴¹ Для позитивистов характерна положительная оценка гусизма в целом, представители данного направления объясняют это выгодными последствиями для чешского общества, которое получило

³⁵Томек В.В. Ян Жижка и Ян Гус: революционное наследие. Л., 1937. С. 68-75.

³⁶Седлак Я. Гуситские войны. М., 1960. С. 54-80.

³⁷Кротохвил М.В. Ян Гус. М., 1959. С. 99-150.

³⁸Голл Я. Богемия в Средневековье. Л., 1948. С. 80-97.

³⁹Крофта К. История Чехии. М., 1946. С. 56-78.

⁴⁰Ленц А. Предвестники и предшественники Реформации в XIV и XV веке. М., 1957. С. 70-110.

⁴¹Седлак Я. История Христианской Церкви. М., 1960. С. 50-98.

полезную прививку от дальнейших крупных революций и гражданских войн и встало на путь прогресса благодаря преобразованиям XV века.⁴²

Особняком в данном случае стоит Й. Пекарж (1870-1937), который в труде, посвященном Яну Жижке, оценил гуситское движение резко отрицательно. Пекарж понимал гусизм как религиозное движение, появившееся из-за распространения в стране идей Джона Виклифа, которое привело чехов, в конечном счете, к национальной трагедии в XVII в. В самой стране, по его мнению, предпосылок для зарождения таких взглядов не существовало.⁴³ Также, автор критикует влияние западных соседей Чехии в целом, в частности Германские земли и англичан, влияние которых надолго раскололо чешское общество, ввергло страну в пучину братоубийственной войны и необоснованно привелок церковной реформе в стране, что отрицательно сказалось на будущем чешского общества.⁴⁴

Совершенно противоположное Й. Пекаржу мнение имел З. Неedly (1878-1962), который в своих последних работах пытался исходить из марксистских постулатов. З. Неedly исследовал гуситскую культуру, при этом он уделял большое внимание радикальному лагерю и в нём видел главную движущую силу революции, хотя он и не одобрял крайне радикальных пикартов и считал их уничтожение справедливым. Защищая действия радикалов, З. Неedly обращался и к теме чешского иконоборчества.⁴⁵ Неedly дал положительную оценку гуситскому движению, реформировавшему общество и создавшему почву для дальнейших прогрессивных преобразований. Многие сделал Зденек Неedly и для выработки марксистской концепции чехословацкой истории: в брошюре «Коммунисты — наследники традиций чешского народа» (1946 г.) он указал на наличие в национальной истории двух линий. Одна из них — демократическая, революционная, прогрессивная; другая — реакционная. В

⁴² Ленц А. История Западной философии. Л., 1963. С. 56.

⁴³ Пекарж Й. Гуситы. М., 1953. С. 56-69.

⁴⁴ Там же. С. 90-101.

⁴⁵ Неedly З. История гуситского движения. М., 1954. - I-IV.

этой брошюре Неедлы определил гуситское движение как «великую народную и национальную революцию», а этап после гуситов, в частности потеря Чехией независимости — как «период наибольшего упадка» и показал, что именно народ, несмотря на «эпоху тьмы», открыл путь к национальному возрождению. Пражское восстание 1848 г. он называл «самой большой гордостью чешской нации со времен гуситов». Неедлы опроверг утверждения буржуазной историографии о якобы непатриотичном характере деятельности гуситов, боровшихся с монархической государственностью средневековой Чехии.⁴⁶

Огромный вклад в исследование эпохи правления короля Чехии Иржи из Подебрад (1458 – 1471) внёс Р. Урбанек (1877-1962). Его фундаментальный труд является до настоящего времени единственным обобщающим исследованием периода правления Иржи из Подебрад, раскрывающим положительное отношение автора не только к данному правителю, ставленнику гуситов на чешском престоле и первому чешскому монарху-некатолику. Книга Урбанека «Иржи и Подебрад» также говорит о предпосылках войны, политике до правления этого монарха и социальной жизни Богемии XV века. Многие его выводы не потеряли своей актуальности до сих пор. Достаточное внимание в своих трудах он уделил положению шляхты. По его мнению, гуситское движение способствовало тому, что кризис данной сословной группы в Чехии наступил позднее, чем в других странах.⁴⁷

Отдельные работы Р. Урбанек посвятил событиям, окружавшим Липанскую битву 1434 года, и положительной оценке военного искусства гуситов, которое, по словам автора, не помогло в данном сражении, но поражение таборитов не означало поражения гуситского движения. Решающей политической силой в Богемии после битвы стало умеренное крыло гуситов, что оказалось полезным для дальнейшей политической жизни

⁴⁶ Неедлы З. Избранные труды / Пер. с чешского. — М., 1960. С. 398-415.

⁴⁷ Урбанек Р. Иржи из Подебрад. Л., 1962. - I. II. III.IV.

Чехии. Также, в книге приводятся цитаты короля Сигизмунда Корибутовича, в частности его знаменитая фраза, когда Сигизмунд сказал о битве у Липан: «Чехи могут быть побеждены только чехами».⁴⁸ Урбанек подробно рассмотрел не только битву у Липан, но и эту местность после ожесточённых боевых действий, описав события, которые развернулись благодаря заслугам всех течений гуситов – и радикалов и умеренных. Автор положительно расценил все происходившие события, аргументируя, что в результате Липанской битвы влияние реакции оказалось ослабленным, радикалы сиротки перестали существовать как военная сила. Была открыта дорога подписанию Пражских компактатов, что произошло 5 июля 1436 в Йиглаве. Боевые действия на время прекратились, что, по мнению автора, было временем отдыха для страны, истощённой гражданской войной. Через месяц император Сигизмунд был признан королём Чехии всеми основными политическими силами в Чехии, что автор тоже преподаёт в положительном ключе.⁴⁹

Различные аспекты гуситского движения анализировал Ф. М. Бартош (1889-1972). Среди его трудов можно найти исследования самого разного характера, он уделял внимание пражскому университету и идеологическим вопросам, гуситским манифестам, деятельности таборитских гетманов, в частности одного из известнейших гетманов Якоубека из Стршибра, друга и последователя Яна Гуса.⁵⁰ В своей концепции взглядов на гуситское движение Бартош подчёркивает значимость гуситских полководцев, описывает влияние духовного авторитета Яна Гуса на общество Чехии перед гражданской войной, а затем сравнивает эту деятельность магистра Гуса с деятельностью Якоубека во время войны, в основном говоря о заслугах этих, по словам автора, двух великих фигур в истории Европы. Якоубек из Стршибра показан великим завоевателем, отчасти потому что он был

⁴⁸ Урбанек Р. Битва у Липан. Л., 1934. – VI. VII. VIII. IX.

⁴⁹ Урбанек Р. Липаны в конце гуситских войн. М., 1965. С. 48-99.

⁵⁰ Бартош Ф.М. Пражский университет Карла IV до Кутногорского декрета. М., 1965. С. 45-58.

авторитетным, образованным человеком, профессором Пражского университета. В заслугу этому историческому деятелю автором ставятся такие факты биографии, как то, что Якоубека из Стршибра известен как горячий защитник «Виклифовых книг» (проповедей Джона Виклифа) и что в 1414 году он установил по всей Чехии в католических церквях причастие под обоими видами для всех категорий прихожан. Ф.М. Бартош приводит цитаты нескольких дошедших до наших дней проповедей Якоубека, изданных в 1545 и 1564 годах, переведённых с чешского и латинского языков.⁵¹

После 1948 года наступил новый, социалистический период развития Чехословакии. Для него характерен повышенный интерес к гуситской проблематике, так как коммунисты считали себя преемниками революционного наследия таборитов. В спектре интересов исследований второй половины 40-х и 50-х гг. XX века оказалась социально-экономическая история Чехии в предгуситский и гуситский периоды, радикальное направление гуситского лагеря, особенно табориты. Учёные отталкивались от концепции Ф. Энгельса, сформулированной им в «Крестьянской войне в Германии». Одни чехословацкие историки считали его «крестьянской войной» в недрах феодализма, а другие (до конца 60-х гг. прошлого века) - «ранней буржуазной революцией».

Однако наравне с авторами, писавшими в духе новой идеологии, продолжали оставаться и творить представители старой, позитивистской школы (Р. Урбанек, Ф. М. Бартош). Продолжала существовать влиятельная конфессиональная историография, также позитивистская по методу.

Достаточно назвать имена крупнейших историков: А. Мольнара (1923-1990) среди протестантских и Я. Кадлеца среди католических исследователей. А. Мольнар в своей книге «Протестантизм в Богемии» описал рождение данного христианского течения и огромную заслугу в зарождении протестанства поставил именно гуситскому движению и

⁵¹Бартош Ф.М. Якоубек из Стршибра. М., 1963. С. 100-167.

реформации в Чехии.⁵² Я. Кадлец защитил католицизм и сторону Сигизмунда во время Гуситских войн как религиозную силу, которая противостояла расколу чешского государства, хотя он отметил заслугу гуситов и чашников в деле реформирования не только религии в Чехии, но и чешского общества.⁵³

В определенном смысле «марксистскими» для периода 1950 – 1960 годов можно назвать только ранние труды Й. Мацека (1922-1991) и Ф. Грауса (1921-1989), работы Р. Каливоды (1923-1989). Ф. Граус ещё в середине 1960-х под воздействием продолжительной работы в Констанце и Париже охладел к марксизму. В своих трудах Граус, отталкиваясь от центристских позиций во взгляде на гуситское движение, отмечал полезное наследие всех участников гражданской войны, указал на положительную роль и заграничных союзников из германских земель и княжеств, воевавших в рядах всех противоборствующих лагерей.⁵⁴

Й. Мацек в 1968 году поддержал мнение Ч. Цисаржа в дискуссии о характере и теоретической основе социализма. Ч. Цисарж доказывал, что ленинизм является всего лишь одной из возможных интерпретаций марксизма, подходящих для отдельно взятой страны, а не для всего мира. При этом Цисарж защищал интересы чешского общества, веками формировавшиеся на основе европейских ценностей, сила которых была в праве на частную собственность и защиту прав человека, что ставило, по его мнению, народ Чехии над восточными соседями, которые навязывают им свою идеологию. Аргументировал он эти доводы тем, что восточные славяне из русских земель во времена Гуситских войн только избавлялись от угнетающего их монголо-татарского ига и получали разрешение на царство от азиатских кочевников, в то время как «Чехия уже полыхала в борьбе за

⁵²Мольнар А. Протестантизм в Богемии. М., 1960. С. 40-58.

⁵³Кадлец Я. Католичество и гуситское движение. Христианская история Богемии. Л., 1955. С. 88-105.

⁵⁴Граус Ф. Гражданская и религиозная война в Чехии. Л., 1970. С 54-67.

свою свободу и равенство всех перед церковью и богом». ⁵⁵ За это в ходе так называемой «нормализации» Ч. Цисарж вошёл в число чешской творческой интеллигенции, подвергшейся гонениям в Чехословакии.

Й. Мацек в период между 1969 и 1989 гг. в марксизме разочаровался, хотя и не дистанцировался от своих работ. Он много работал и результаты его исследований, посвященных Ягеллонскому университету и взаимодействию Чехии и Польши в XV веке, во времена Гуситских войн, были опубликованы уже после его смерти во второй половине 90-х годов XX века и с удовлетворением приняты ведущими медиевистами как в Чехии, так и за её пределами. Также Мацек остановился в одной из своих работ на социально-экономической и политической жизни Богемии XV века. Им были описаны все сферы общества чешского средневековья вплоть до развития театрального искусства, развития образования, медицины и описания жизненного уклада простого народа во время полыхающей гражданской войны, автор предоставил документы тех лет, рассказывающие о том, что страна во время войны была расколота не только на приверженцев различных течений христианства, но и на «мирную и воюющую» части. ⁵⁶

Историк и общественник Р. Каливода, опираясь на труды К. Маркса и Ф. Энгельса, считал буржуазную революцию не единовременным актом, а долгим процессом, начало которого он видел в ликвидации феодальной церкви в гуситской революции и немецкой крестьянской войне. Фактически, гусизм в его интерпретации представляет собой раннюю буржуазную революцию. В этой связи представляется важным отметить, что в соответствии с этой трактовкой Р. Каливода счёл необходимым продлить гуситский период до окончания третьего правления короля Иржи из Подебрад. Этот правитель, ставший первым монархом в Европе, не исповедующим католицизм, изменил религиозное направление чешского общества, «взял курс на объединение земель чешского государства и именно

⁵⁵Цисарж Ч. Ленинизм и гуситология. // Чехия 96/1998. №5. С. 268-300.

⁵⁶Мацек Я. Табор в гуситской революционной борьбе. М., 1990. С. 357-365.

ему принадлежала идея всеевропейского христианского союза, названного «Христианской лигой». Каливода также в своих трудах отмечал всеобъемлющий вклад Иржи из Подебрад в нормализацию обстановки в Чехии и цитировал многие прогрессивные идеи монарха, в частности то, что тот выступал в качестве пропагандиста многих элементов европейской интеграции, которые стали реальностью в XX веке.⁵⁷ Также следует отметить, что приверженность марксизму Р. Каливода сохранил до своей смерти и писал многие свои работы, руководствуясь принципами Маркса о борьбе народных масс против капиталистов.

Строго говоря, увлечение марксистскими идеями у чешских исследователей закончилось задолго до бархатной революции 1989 года. Многие авторы, о чьих трудах рассказывается в настоящей работе, начали свою научную деятельность в 60-70-е годы XX века и уже тогда обозначили основные направления последующих исследований. Новый этап в развитии чехословацкой исторической науки начался с 1970-х годов. Однако результаты их исследований, во многом новаторских, начали появляться только на рубеже 70-80 гг. XX столетия. В то же время появилось так называемое «молодое» поколение исследователей, которые в настоящее время продолжают и развивают начатое группой их учителей. Органическим звеном исследований 1970-х стало изучение широкого круга проблем развитого феодализма. Заметные изменения внесены в концепцию гуситского движения. Историки отказались от рассмотрения его как раннебуржуазной революции. Уточнена периодизация движения, отброшен упрощенный подход, выражавшийся в установлении прямой взаимосвязи его экономического и политического факторов, социально-экономических отношений и других сфер общественного развития. Наблюдается стремление к изучению изменений, происшедших в социальной структуре чешского общества в постгуситский период, ученые подчеркивают оживление

⁵⁷Каливода Р. Гуситская революция при Иржи из Подебрад // Вестник МГУ, 13/1999. С. 387-393.

хозяйственной жизни во второй половине XV в., отмечают экономический подъем городов, расширение их политических прав. Углубленно исследуется и такая традиционная тема, как роль церкви в политической жизни общества. Серьезное внимание уделяется идеологическим процессам средневекового периода (Франтишек Шмагел, «Национальная идея в гуситской Чехии», 1971)⁵⁸, активно ведется изучение таборитского движения; в 1971 г. проведен симпозиум по этой проблематике, выходит специальный сборник «Гуситский Табор». Продолжено исследование деятельности выдающихся представителей гуситского движения, о чем свидетельствует книга Мирослава Поливки «Микулаш из Гуси и мелкая шляхта в начале гуситской революции» (1982). Среди работ общего характера заслуживает внимания книга Йржи Кейржа «Гуситы» (1984).⁵⁹

За последние десятилетия современными чешскими учёными накоплен значительный историографический материал, который ещё не получил оценки в трудах российских исследователей. Первые ростки новых взглядов появились уже во второй половине 70-х гг., например, в публикации более широкого комплекса источников, опубликованных в Чехословакии. К этой группе учёных относятся Ф. Шмагель, Ф. Кавка, П. Спунар, Й. Кейрж, Я. Эршил, И. Главачек, Р.Новы, Й. Краса, Э. Маур, А. Мика, Э. Петру, А. Видманова, П. Чорней, М. Поливка, Я. Боубин, Я. Чехура, Й. Юрок. Эти исследователи положительную роль гуситского движения видели уже не с марксистских позиций борьбы низов за свои права, а гораздо глубже – гражданская война, которая взбудоражила всё чешское общество и изменила в лучшую сторону общество благодаря «прививке», которая подействовала и в дальнейшем позволила развиваться Чехии мирным путём. Также, в Чехии была интересна темы гуситского табора и вопрос о сути чешского иконоборчества. На рубеже 80-90-х гг. XX века эти усилия вылились в

⁵⁸Шмагель Ф. Гуситское движение в Чехии XV века. Спб., 2001. С.139-140.

⁵⁹Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970-1990)//Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.87-90.

настоящий поток гуситологических работ высокого уровня. Наиболее значительным является опубликованный в 1993 году четырёхтомный труд крупнейшего чешского учёного-медиевиста Ф. Шмагеля «Гуситская революция». Именно в этом четырёхтомнике наиболее полно и законченно представлена современная концепция гуситского движения, поэтому все современные исследователи гусизма в той или иной степени отталкиваются в своих трудах от «Гуситской революции». В этом произведении Ф. Шмагель перечисляет в первую очередь все основные известные аспекты гуситского движения и точки зрения на события. Автором описывается обострение внутриклассовых и межклассовых противоречий в чешском обществе, которое вызвало в нем недовольство существующими порядками и их критику, что автором воспринимается негативно. Авторский взгляд на протест, естественно, облакающийся в религиозную форму, иные формы были просто исключены в то время, рассматривается как закономерное разворачивание событий в средневековье. Существующее положение в обществе Чехии сравнивалось с «божественными установлениями», о чём Шмагель говорит как об усугубляющем факторе, который впоследствии ещё долго отражался во всех сферах чешского общества.⁶⁰ Одной из предпосылок гуситского движения, подчёркивает Ф. Шмагель, было также учение английского реформатора Джона Виклифа, чьи сочинения нашли большой отклик среди интеллигенции, так как подтверждали справедливость критиков церкви. На рубеже XIV и XV вв. антицерковная оппозиция делает резкий скачок вперед, что в немалой мере связано со вступлением в общественную жизнь магистра Пражского университета Яна Гуса. О самом Гусе автор пишет в целом положительно, отмечая его ум и талант предводителя: «что же касается методов борьбы за новое общество, то Гус был в основном сторонником мирных средств, но иногда говорил и о возможности насильственного воздействия на упорствующих в грехе. Гус приспособлял свое учение к конкретной обстановке, понятно, что на его идеи опирались

⁶⁰Шмагель Ф. Гуситская революция. Спб., 1998, Том 1. С. 87-100.

очень разные его последователи».⁶¹ Заслуга Гуса велика не просто для всей Чехии, но и для всей Европы, роль Гуса в переменах христианской религии, следуя идеям автора, равна заслугам Мартина Лютера и Жана Кальвина, а смерть Яна Гуса в 1415 году явилась причиной недовольства простого народа и стимулировала реформационные устремления общества.⁶² Итог войны Ф. Шмагелем расценён в целом удачным для чешского социума, народ получил ценный урок. Некоторые положительные итоги автор вывел в разряд прогрессивных. Шмагель отмечал огромную роль Базельских компактатов 5 июня 1436 года, когда впервые в истории католическая церковь вынуждена была признать еретиков гуситов полномочными исповедовать свою веру и идеологическая гегемония церкви оказалась нарушенной. Липанская битва 30 мая 1434 года и Базельские компактаты автором названы переходом к новой фазе гуситского движения, которая стала представлять собой борьбу за закрепление завоеваний и за их признание феодальной Европой. Изменения в чешском обществе касались земельной собственности, социального положения отдельных слоев и государственного устройства. Земельные богатства церкви были захвачены шляхтой и городами, для панов-гуситов секуляризация церковных земель была основой их программы, чему автор даёт положительную оценку и отмечает роль этих событий на последующую историю Чехии. Здесь же он отмечает, что восстановить имущественное положение церкви было уже невозможно. Прогрессивность перемен автор отмечает и в переустройстве государственного управления после победы умеренных гуситов: «В целом основы классовой структуры феодального общества нарушены не были, но в сословном устройстве произошли существенные перемены. Пало влияние церковной иерархии, возвысились некоторые непривилегированные слои и низшие слои привилегированного класса, города получили представительство в сейме и государственных учреждениях, избавились от административного и политического контроля

⁶¹ Там же. Том 2. С. 45-49.

⁶² Шмагель Ф. Гуситская революция. Спб., 1998. Том 3. С. 54-69.

со стороны короля и феодалов, сами стали решать вопрос о выборах совета. Общественная роль низшей шляхты увеличивалась пропорционально интенсивности военных действий, а сама она стала занимать значительное число мест в органах управления страной, оформилась в политическое сословие и стала представлять в сейме».⁶³

Из отрицательных аспектов последствий чешской гражданской войны автор в первую очередь отмечает, что главенствующие основы классовой структуры феодального общества нарушены не были, крестьянам и городской бедноте ничего не досталось при дележе «революционных трофеев». Но все же в полевых войсках появились среди командиров мелких подразделений и выходцы из крестьянства, что ранее было невозможно. Совсем небольшой части крестьянства удалось перейти в более высокий социальный слой населения или перебраться в города. Главное завоевание крестьянства от гуситского движения – избавление от поборов церкви и от ухудшения положения в целом, которое отодвинулось на отдаленное будущее. Ф. Шмагель в своей «Гуситской революции» помимо своей концепции понимания данного исторического события также оставил основные отличительные черты гуситского движения для современных исследователей гусизма: «Гуситское движение – самое мощное антифеодальное движение Европы XV в. Оно отличалось следующими чертами: ясная, четко сформулированная идеология, направленная против церкви, светских феодалов и короля, которая пользовалась популярностью среди населения; борьба одновременно против социального и национального угнетения; сотрудничество городской и деревенской бедноты; общенародность; большая продолжительность, чем у всех предшествующих, сравнимых с ним выступлений».⁶⁴ Выводами и характеристиками, сделанными Ф. Шмагелем в «Гуситской революции» пользуются

⁶³ Шмагель Ф. Гуситская революция. Спб., 1998. Том 4. С. 105-111.

⁶⁴ Там же. С. 164-175.

большинство исследователей гуситских войн, что в частности отмечает отечественный историк и историограф Л.П. Лаптева.⁶⁵

В качестве основных исторических источников последних десятилетий следует указать обобщающие труды Я. Кейржа по теме табора во времена гуситских войн,⁶⁶ Ф. Шмагеля по теме последних четырёх лет существования гуситского движения с 1430 по 1434 года и окончательного разгрома гуситов в битве под Липанами 30 мая 1434 года⁶⁷ и статьи Р.Ферстла, в которых рассмотрены все основные вопросы, касающиеся гуситского движения.⁶⁸

Среди обзорных историографических работ можно выделить статьи Ф. Шмагеля, Т. Крзенца, а также рецензии на специальные работы, которые носят информативный характер без подробного анализа трудов. В статьях Ф. Шмагеля рассматриваются гуситологические работы с 1994 по 1997 гг. Автор сгруппировал их в соответствии с основными направлениями исследований за эти три года и снабдил краткой характеристикой. Важно подчеркнуть, что в работе представлены труды не столько чешских, сколько иностранных авторов. Данный очерк стал продолжением общего историографического обзора по гуситологии, представленного ученым в первом томе его «Гуситской революции». Часть данного историографического обзора занимают авторы, которые занимались изучением деятельности помощника Яна Гуса во время гражданской войны Иеронима Пражского (Drobneotazky v studentskemzivotemistraJeronymaPrazskeho), анализ деятельности этой политической фигуры и значимость в гражданской войне с различных точек зрения чешских гуситологов.⁶⁹ Наиболее полно необходимость расширения

⁶⁵Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970-1990)//Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.65-70.

⁶⁶Кейрж Я. Гуситские войны и табориты. 7/Вестник МГУ 12/1999. С. 89-94.

⁶⁷Шмагель Ф. Гуситы 1994/95-1997// Чехия 95/1997. №.3-4. С. 702-740; Шмагель Ф. Гуситское движение в Чехии XV века. Спб., 2001. С.139-140.

⁶⁸Ферстл Р. Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина // Славяноведение. 2004. № 4. С. 68-76 (перевод И.И. Бучанова).

⁶⁹Шмагель Ф. Гуситская революция. Спб., 1998. Том 1. С. 167-170.

верхней границы гуситского движения до 1483 года обосновывается в 2001 г. в работе Ф. Шмагеля, повествующая о жизненном пути и роли в развитии гуситского движения Иеронима Пражского.⁷⁰

Логическим завершением данного обзора стала оценка современного состояния чешской гуситологии, пробелов в исследовании и, как следствие, перспектив гуситоведения в Чехии. Продолжением очерка Ф. Шмагеля стала статья Й. Крзенцка, посвященная перспективам современной гуситологии. В отличие от Ф. Шмагеля, который, в первую очередь, показывал, что уже сделано, Й. Крзенцк попытался поставить цели для последующих исследователей. Автор высоко оценивает вклад, сделанный представителями предшествующего этапа историографии, особенно в исследовании проблем социально-экономического характера, но вместе с тем подчёркивает, что их оценки во многом однобоки. Задачу современных учёных Й. Крзенцк видит в том, что для чешской исторической науки в принципе не характерен большой интерес к историографической проблематике, и пытается сформировать в сознании людей представление о гусизме как об идейном и культурном феномене, который всесторонне принадлежит не только чешской, но и европейской истории. Подчёркивается важность дальнейших публикаций исторических источников по периоду, особенно это касается источников, касающихся католической партии.⁷¹

Наиболее ранним обзорным исследованием последнего десятилетия XX века, характеризующим социально-экономические отношения в Чехии гуситского периода, является коллективный труд авторов по истории Чехословакии. Несмотря на общую концепцию книги в традиционных марксистских рамках, раздел, написанный Ф. Шмагелем, несёт в себе и элементы новых взглядов. Так, новаторскими для того времени можно считать выводы исследователя об экономических и социальных последствиях

⁷⁰Smahel F. Drobneotazky v studentskemzivotemistraJeronymaPrazskeho // Ceskycasopishistoricky. Praha, 2008. Roc. 106. C. 1. S. 1-18 (перевод И.И. Бучанова).

⁷¹Крзенцк Т. Проблемы историографии Гуситских войн // Вестник МГУ 95/1997. С. 460-472.

гусизма для дальнейшего развития чешских земель. Автор в частности утверждает, что гусизм в Чехии не нарушил динамики развития страны в рамках феодального строя, и наиболее существенным образом сказался на сословном развитии чешского общества, формировании дуалистического характера чешской сословной монархии.⁷²

Среди исследователей, чьи работы оказали серьезное влияние на формирование новых взглядов, можно назвать Й. Кейржа. Основная деятельность Й. Кейржа пришлась на период до 1989 года и затрагивает преимущественно правовую сферу, так как Й. Кейрж является историком права. Без сомнения важным вкладом в науку является книга учёного «Гуситы». Она вышла ещё в 1984 году и её можно охарактеризовать как переходную. В труде уже не ощущалось идеологического давления, впервые затронуты многие проблемы, в том числе вопросы культуры, элементы правового менталитета общества. Й. Кейрж рассматривает гусизм в очень широком контексте, отмечая его связь не только средневековыми религиозными движениями, но и с последующей реформацией. Проследив ареал распространения гусизма, Й. Кейрж выявил, что движение быстрее распространялось в областях, имевших прочные сектантские корни: Прага, Южная Чехия, Градец Кралове (Восточная Чехия). Книга охватывает период от смерти Карла IV (1378) до избрания Иржи из Подебрад королём Чехии (1458). В работе подробно освещаются социальная структура дореволюционной и революционной Чехии, падение духовной монополии католической церкви, проблемы культуры, элементы правового мышления общества, причины поражения левого крыла революции в битве у Липан. Специфику гуситского движения составляла его идеологическая база, центром формирования которой стал Пражский университет, что позволило обосновать основные идеи гусизма на самом высоком для того времени интеллектуальном уровне. Поэтому основной комплекс работ,

⁷²Шмагель Ф. Гуситы 1994/95-1997// Чехия 95/1997. №.3-4. С. 702-740; Шмагель Ф. Гуситское движение в Чехии XV века. Спб., 2001. С.139-140.

анализирующих гуситскую идеологию, в той или иной степени тематически связан с деятельностью Пражского университета или его магистров, о чём и говорит в целом положительное отношение автора книги к событиям тех лет, которые, как пишет автор, повлияли самым серьёзным и значительным образом на последующие события в Чехии.⁷³

Одним из ведущих направлений деятельности чешских гуситологов в последние годы является работа с источниками: обнаружение и публикация новых документов, анализ и коррекция датировки уже введённых в научный оборот материалов. Их характер весьма разнообразен, от весёлых злободневных частушек до серьёзных полемических произведений. Наиболее полно гуситский период представлен в повествовательных источниках (хроники, дневники и корреспонденция) и публицистике (религиозные трактаты, манифесты, инвективы, сатира и др.). Ещё в 1954 г. в Чехословацкой академии наук был составлен проект систематизации и критической публикации творческого наследия Гуса, восстановление и издание документов гуситского периода, которое продолжается до сих пор. Для собрания сочинений под названием «Opera Omnia M. Iohannis Hus» планировалось обработать около 500 рукописей XV в., разбросанных по архивам Европы. К работе привлекли ведущих специалистов в области средневековья, которые составили так называемую Специальную Комиссию. Весь комплекс трудов Гуса был разделён на 26 частей, из них только первые четыре были посвящены творчеству магистра на чешском языке. К сожалению, реализовать задуманное в полной мере не удалось до настоящего времени. Основная работа легла на плечи пяти ведущих специалистов в данной области (Й. Данхелка, Я. Эршил, Й. Кейрж, Б. Рыба, А. Видманова). Первые два тома чешских трудов Гуса вышли как коллективное издание Комиссии. Активизация деятельности учёных приходится на исследуемый период. В 1985 г. был опубликован IV том (издание осуществляется не в строгом соответствии с порядковой нумерацией проекта). Данный том

⁷³Кейрж Я. Гуситы. М., 1989. С. 67-105.

является плодом многолетнего труда известного чешского учёного Й. Данхелки; здесь представлены небольшие трактаты, сентенции, песни чешского реформатора преимущественно за период 1412-1414 гг. Все произведения, и, в первую очередь, песни, сопровождаются комментарием, написанным Й. Данхелкой. Среди опубликованных песен: «Песни Соломона», «Зерцало грешника, так называемого большего», «Зерцало грешника меньшего», и другие. Среди трактатов, помещённых в сборник, такие как «Дочка», «Книжки о святокупстве» (симонии), «О шести заблуждениях», «О супружестве», единственная полемическая работа Гуса на чешском языке «Книжки против священников-кухмистров», критикующая образ жизни клира, «О грехе», «Азбука», «О вере». Й. Данхелка обращает внимание на то, что авторство Гуса в трактате «О вере» не бесспорно.

Многие из произведений Гуса впервые были опубликованы именно в этом томе. В целом том можно оценить как основополагающий материал для медиевистов-гуситологов. Творчество ряда ведущих чешских учёных, прежде всего Ф. Шмагеля, П. Чорнея и Й. Кейржа следует рассмотреть отдельно, так как их исследовательские интересы весьма обширны и затрагивают все аспекты общественной жизни Чехии XV в.

В изучении гуситской идеологии можно констатировать преемственность, но многие аспекты проблемы получили дальнейшее развитие или поставлены по-новому. На высоком уровне эта тема освещается в исследовании В. Герольда «Пражский университет и Виклиф: учение Виклифа об идеях и эволюция гуситского революционного мышления». В. Герольд проанализировал восприятие виклифизма в пражской университетской среде. Он показывает, что гуситских идеологов привлекал, прежде всего, крайний философский реализм Виклифа. Эта концепция послужила теоретической базой для разработки главного гуситского принципа «закона божьего», согласно которому земная жизнь должна быть приведена в соответствие с этой идеальной нормой. Анализируя источник представлений Виклифа, В. Герольд находит отдельные мысли в учении

Платона об идеях, у Аристотеля, неоплатоников и прослеживает их христианскую адаптацию, а также взгляды христианских мыслителей на эту проблему вплоть до XIV века.⁷⁴

В представлении Ф. Шмагеля, Гус в толковании системы закона Божьего продвигается намного дальше, чем его идейный вдохновитель и учитель Виклиф, который власть трактовал сугубо в идеальной форме. По мнению Ф. Шмагеля, Гус вдохнул больше жизненности и реальности в теории английского реформатора. Исследователь также подчёркивает постоянную эволюцию взглядов Яна Гуса, Якоубека из Стршибра и Яна из Рокицан. Тщательно изучив эволюцию реформационного движения в Чехии, Ф. Шмагель подчёркивает, что учение Гуса не переступило границ феодального общества.⁷⁵ По мнению И. Кейржа, было бы ошибкой искать единый источник гуситских взглядов. Безусловное влияние оказали труды Виклифа, в том числе на обоснование идеи секуляризации церковного землевладения, а также подчёркивается воздействие многочисленных сектантских движений, в первую очередь, вальденсов, которые, апеллируя к идеалам раннего христианства, ратовали за ликвидацию частной собственности, апостолическую бедность и взаимопомощь, а также мирскую проповедь и свободу чтения Библии.⁷⁶

Главным фактором стал тот высокий идейный уровень, который выделил гусизм среди других идейных течений средневековья. Й. Кейрж подчёркивает, что первостепенная заслуга пражских магистров состояла в придании движению идейной направленности через проповеди и письменные воззвания.⁷⁷

⁷⁴ Герольд В. «Пражский университет и Виклиф: учение Виклифа об идеях и эволюция гуситского революционного мышления». М., 2006. С. 56-87.

⁷⁵ Smahel F. Drobneotazky v studentskemzivotemistraJeronymaPrazskeho // Ceskyacasopishistoricky. Praha, 2008. Roc. 106. C. 1. S. 1-18 (перевод И.И. Бучанова).

⁷⁶ Кейрж Я. Гуситы. М., 1989. С. 117-124.

⁷⁷ Кейрж Я. Гуситские войны и табориты. - 7 / Вестник МГУ 12/1999. С. 87.

Состояние современной историографии в первую очередь держится на поиске авторами-гуситологами источников, написанных современниками гражданской войны в Богемии. На этом основании определяется достоверность, а наравне с ней и ценность данных источников и степень их тенденциозности. Каждому из указанных видов источников гуситологами даётся детальная характеристика, что определяет эволюцию в их интерпретации в зависимости от политических и социальных потрясений. Во времена австро-венгерского господства наука в Чехии была на двух языках – немецком и латыни, со временем расцвета чешского общества и ослабления гнёта, историки Чехии имели свой взгляд, усиленный поднятым патриотизмом и романтической направленностью истории. Социалистические идеи привнесли одну господствовавшую точку зрения на историю, что возвело Гуситские войны на вершину славы как борьбу чешского народа за свободу и независимость. Так, публикации источников в хрестоматиях 1940-х- 1980-х гг. отличались фрагментарностью, стремлением показать деятельность Яна Гуса и представителей только радикального крыла гуситов (таборитов). Лишь в конце 1980-х - 90-е гг., после Бархатной революции и демократических реформ стало уделяться внимание умеренным гуситам (чашникам) и представителям католического лагеря. Та же тенденция наблюдалась и в источниковедческих работах, освещавших гуситское движение. Современные исследователи гуситского движения придерживаются различных взглядов и описывают своё виденье проблемы, ставят вопросы, как по социально-политическому аспекту гуситского движения, так и по бытовой и военной специфике. И если при господстве монархической или социалистической систем стояла одна точка зрения на историю, то теперь историческая наука Чехии развивается, открывая новые пути в изучении своего прошлого.

1.2. Историография западной Европы и США

Гуситское движение в Чехии (1419-1485 гг.) представляло собой одно из наиболее значительных событий в истории Европы XV века. Как считает крупный медиевист, глава мюнхенского института Collegium Carolinum проф. Ф. Зайбт, гусизм открывает серию «ранних революций» в Европе, для которых характерно сложное соединение экономических, социальных, политических и идеологических факторов. Спецификой ранних революций является их религиозно-социальный характер.⁷⁸

Интерес к истории славянских народов возник в немецкой науке на рубеже XVIII – XIX вв., и усилился в последующие десятилетия, когда общественно-культурная жизнь Европы развивалась, хотя отношения между Германией и славянскими странами были напряжёнными. В Германии искусственно культивировались антиславянские настроения, разжигалась шовинистическая агитация. Следствием этого стало проникновение национализма и славянофобии в немецкую среду. Подобная тональность приобрела в немецкой историографии распространение с середины XIX в. Симптоматична в этом смысле позиция Константина Хефлера (1811 —1897). После поражения революции 1848—1849 гг. он перебрался в Прагу, где работал в университете, носившем в те годы почти исключительно немецкий характер. Будучи человеком не только националистических, но и консервативных, клерикально-католических убеждений, он совместно с консервативным чешским историком В. Томеком начал борьбу с национально-патриотической концепцией Ф. Палацкого. Свой националистический взгляд на историю чешского народа, и прежде всего на

⁷⁸Зайбт Ф. Чехи, словаки и немцы: Хроника осложненных взаимоотношений // Журнал политического образования. Спб., 2009. С.4-13.

гуситское движение, Хефлер изложил в работах «Исторические писатели гуситского движения» (т. 1-3, 1856—1866), «Магистр Ян Гус и уход немецких профессоров и студентов из Праги» (1864), «Источниковедческие очерки по истории гуситской войны» (т. 1—2, 1872—1874). Игнорируя социальные и реформационные аспекты гусизма, Хефлер рисовал его как антинемецкую борьбу, а ее руководителей, начиная с Гуса, — как германофобов. Это вызвало решительные возражения со стороны лидеров чешского национального движения.⁷⁹

Качественно новый этап в развитии немецкой и мировой славистики открыли труды К. Маркса и Ф. Энгельса. Они обращались к славянской тематике в связи со своей теоретической и практической деятельностью, рассматривали прошлое и настоящее славянских народов под углом зрения коренных потребностей мирового революционного процесса. К. Маркс и особенно Ф. Энгельс широко использовали работы русских, польских, чешских, словацких и югославянских ученых. В творческом наследии классиков марксизма неоднократно встречаются ссылки на И. Лелевеля, И. Добровского, П. И. Шафарика, В. Караджича, Ф. Миклошича и других славянских авторов. Среди проблем истории и культуры, получивших отражение в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, находились этническая и политическая история южных и западных славян, отдельные, наиболее яркие ее эпохи (гуситское движение, борьба с османской агрессией), социальные и национальные аспекты освободительного движения XIX в. Резко критикуя национально-буржуазный лагерь, а в нем, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали важность изучения и использования в интересах пролетарского движения прогрессивных, демократических и революционных традиций славянских народов. Основоположники марксизма уделяли огромное внимание Гуситским войнам, этому наиболее выдающемуся событию средневековой истории Чехии, по причине того, что Гуситские

⁷⁹Зайбт Ф. "Чехи, словаки и немцы: Хроника осложненных взаимоотношений".// Журнал политического образования. Спб., 2009.- С.7-10.

войны отличались от других крестьянских восстаний своим размахом, продолжительностью и сравнительно высокой организованностью. «...Национально-чешская крестьянская война религиозного характера против немецкого дворянства и верховной власти германского императора», — так определил революционную борьбу чешского народа Карл Маркс.⁸⁰ «Гуситские войны отличались от обычных восстаний крестьян, которые часто происходили в разных странах средневекового мира. Они вылились в революционное по методам борьбы вооружённое выступление всего чешского народа, в первую очередь крестьян и городской бедноты, и были направлены против всемогущей католической церкви — крупнейшего феодала Чехии, против светских магнатов и одновременно против попыток иноземного порабощения свободолюбивого чешского народа. В ходе борьбы восставшие пытались приступить к переустройству всей жизни общества на новых, справедливых началах. Они мечтали о том времени, когда не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, когда все люди будут трудиться и жить, как братья. Наиболее последовательные борцы пытались и в тогдашних условиях приблизиться к осуществлению этих идеалов».⁸¹

Фридрих Энгельс сформулировал свой взгляд на Гуситские войны и концепцию гражданской войны вообще в своём труде «Крестьянская война в Германии». От «Крестьянской войны в Германии» впоследствии отталкивались многие историки из разных стран мира, в том числе даже те, кто не придерживался марксистских взглядов. По мнению Ф. Энгельса, социальную основу гусизма составляло крестьянство, городской плебс и бюргерство. Неоднородный социальный состав, экономическое неравенство и религиозные противоречия дали благоприятную почву для развязывания гражданской войны, или, по словам Энгельса, «буржуазной революции, повлёкшей за собой борьбу народных масс за свободу и справедливость».⁸²

⁸⁰ Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1939. Т. 6. С. 219.

⁸¹ Там же. Т. 4. С. 153.

⁸² Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии./Ф. Энгельс//Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения Т.7.- Л., 1960. С. 100-125.

Именно эта неравномерная масса населения средневековой Богемии, этот недовольный своим положением народ оказался в центре внимания историков-марксистов всего мира. Также Ф. Энгельсом и К. Марксом были написаны обобщающие историографические работы, в которых анализировались основные тенденции развития событий во время гуситских войн, такие как «Борьба в Венгрии».⁸³ Так, Ф. Энгельс полагал, что гуситское движение являлось «национально-чешской крестьянской войной против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившей религиозную окраску». Кроме того, по мнению классика марксизма, гусизм стоял в ряду таких событий, как Жакерия во Франции 1358 г., крестьянское восстание УотаТайлера 1381 г. в Англии и Крестьянская война в Германии 1525 г., которую Ф. Энгельс также считал раннебуржуазной революцией и, в духе своего времени, сопоставлял с революцией 1848 – 1849 годов в Германии. Согласно его взглядам, два течения в гусизме - чашники (умеренное) и табориты (радикальное) выражали интересы разных социальных слоев. Чашники, по его мнению, поддерживались, главным образом, бюргерством, табориты - городскими низами и крестьянской беднотой. Религиозные ереси средневековья, к которым Ф. Энгельс причислял и гуситов, носили, по его мнению, социальную окраску. Таким образом, классик марксизма выделял в гуситском движении, прежде всего, социальный аспект, признавал наличие религиозного, но отрицал национальные проблемы гусизма (борьбу чехов и немцев). И, наконец, классики марксизма, прежде всего, К. Маркс отрицательно относились к одному из чешских королей гуситского периода Сигизмунду Люксембургскому. Он характеризовался как «жалкий паразит, тунядец, попрошайка, кутила и пьяница, шут, трус и фигляр».⁸⁴ Последующие историки-марксисты называли Сигизмунда главным врагом гуситов и обвиняли в причастности к казни чешского реформатора Яна Гуса

⁸³ Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 180.

⁸⁴ Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1939. Т. 6. С. 220-244.

и его соратника Иеронима Пражского.⁸⁵ Однако, с точки зрения современных чешских историков, этот монарх был политиком общеевропейского масштаба. Эти положения работ К. Маркса и Ф. Энгельса были буквально восприняты первыми чехословацкими историками-марксистами и постоянно ими цитировались, но впоследствии, исходя из противоречивого определения характера гуситского движения классиками марксизма, чехословацкие историки разошлись во мнениях.

Среди немецких историков, последователей идей К. Маркса, стоит отметить одного из теоретиков классического марксизма Карла Каутского, который упоминает гуситские войны и Реформацию в Богемии в своей работе «Предшественники новейшего социализма», делая, как и многие историки-марксисты, упор на народно-революционном подтексте событий. Экономическая составляющая и новые методы и способы ведения войны, в том числе и гражданской, также ставятся Каутским как положительное влияние гуситского движения на последующие события в мире. Принимая во внимание нововведения гуситов и их противников католиков в тактике и стратегии боевых действий, изобретении «вагенбурга» - оборонительного укрепления из ряда сцепленных повозок, и широкого применения новых видов холодного и огнестрельного оружия, К. Каутский, также основываясь на идеалах марксизма, отмечает «огромную роль буржуазии и сословных низов средневекового общества, которые вместе пытались отстоять свою свободу против захватчиков в лице Священной Римской империи и католической церкви во главе с Папой Римским».⁸⁶

Макс Вебер, немецкий историк и социолог, творивший на рубеже XIX – XX вв. и по философским взглядам близкий к неокантианству, в основном изучал влияние религиозных идей на хозяйственную и социальную жизнь западных славян. Данный автор не посвящал специальных исследований периоду Гуситских войн в Чехии, но данному периоду посвящена большая

⁸⁵Мацек Я. Табор в гуситской революционной борьбе. М., 1990, С. 70-74.

⁸⁶Каутский К. Предшественники новейшего социализма. М., 1918. С.194-228.

часть его книги «Протестантская этика и дух капитализма». Отношение автора к периоду гуситского движения резко отрицательное, в том числе потому что гуситы были противниками захвата Богемии войсками Священной Римской империи и воевали против военных формирований, пришедших из германских княжеств, что, по словам автора, было верхом легкомыслия, так как чешские католики, союзники Императора Священной Римской империи Сигизмунда, могли принести Чехии прогрессивные преобразования, а гражданская война оттолкнула чешское государство на столет назад.⁸⁷ М. Вебер достаточно резко высказывался о чешских правителях вообще, и о Сигизмунде Корибутовиче, на годы правления которого пришлось основные события чешской гражданской войны, в частности. М. Вебер движение гуситов за равенство в церковном причастии и религиозные реформы называет сектой и, по его словам, гуситы стоят в одном ряду с другими средневековыми аскетическими сектами, которые следовали идеям Джона Уиклифа. Христианской сектой Вебер называл и богемских братьев, ругая их как пережиток гуситского движения, очень опасный для современного чешского общества. Церковные реформы гуситов М. Вебер всячески отрицал, аргументируя это тем, что Священная Римская империя должна была сама провести Реформацию, как это было в других европейских странах.⁸⁸ Итоги Гуситских войн по Веберу – это упадок чешского общества и разрушение всех социальных институтов.⁸⁹

Славяноведение стало развиваться в США позже, чем в Германии, Франции и Англии. Только в конце XIX в. в американских высших учебных заведениях начали появляться первые организационные подразделения, задачей которых было изучение славянских стран. Интерес правящих кругов США к этим странам, и в особенности к России, а также к славянским народам Австро-Венгерской империи был вызван потребностями

⁸⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М., 1990, С. 136-141.

⁸⁸ Там же. С. 154-156.

⁸⁹ Там же с. 150.

американской внешней политики. В изучении истории Чехии наибольшая заслуга принадлежит Р. Кернеру (1887—1956), благодаря которому Калифорнийский университет в период между первой и второй мировыми войнами превратился в ведущий центр славяноведения. Кернер начал свою научную деятельность как автор одной из первых в США библиографий западноевропейской литературы по славянским странам, в том числе и Чехии (1918 г.). Это была выборочная библиография, включавшая лишь ту часть литературы, которая отвечала назначению быть материалом для советников делегации США на Парижской мирной конференции. Систематизация Кернером работ по истории, языку и литературе чешского народа начиная с древнейших времен вытекала из трактовки славяноведения как комплекса наук. Кернеру удалось в основном охватить славяноведение всей Западной Европы одним указателем и создать тем самым ценное пособие для исследователей. Наиболее известной работой Кернера является монография «Чехия» (1932 г.). Автор попытался всесторонне показать политическую (конституция, юридические и правовые институты), экономическую (промышленность, торговля, финансы и землевладение), религиозную и школьную системы Чехии. Несмотря на включение в книгу экономических сюжетов, Кернер все же был далек от понимания сущности исторического процесса. Это сказалось в его концепции, согласно которой основным содержанием истории Чехии была борьба немецкого и славянского начал, а также в затушевывании классового аспекта событий и объяснении развития чешского общества непосредственной материальной заинтересованностью отдельных имущественных и в первую очередь национальных групп. Отдельная глава раздела по истории Чехии рассказывает о гуситском движении XV века. В ней автор в целом с центристских позиций рассказывает о влиянии данного события на последующую историю, но в некоторых аспектах, в частности в вопросе религиозной войны и социальных противоречий в Гуситских войнах, автор придерживается мнения, что

гуситские войны отрицательно повлияли на Чехию, ослабили страну и стали предпосылкой к потере независимости в дальнейшем.⁹⁰

Во многих странах Европы существуют научно-исследовательские центры, занимающиеся исключительно гуситским движением. Это научно-исследовательская лаборатория Музея гуситского движения в Таборе (Чехия), Коллегия Каролинум в Мюнхенском университете (Германия) и университет в Констанце (Германия).

Среди современных зарубежных нечешских гуситологов фигурируют такие крупные исследователи исторической науки как американские исследователи Д. Классен и Ф. Гейманн. Ф. Гейманн внес наиболее весомый вклад в развитие американской гуситологии и истории Чехии коммунистического и посткоммунистического периодов (он является автором наибольшего количества важных гуситологических работ в США). Также здесь стоит отметить ещё одного американца Дж. К. Земана и его работу «Гуситское движение и реформация в Богемии, Моравии и Словакии», опубликованной университетом Мичигана в 1977 году. В данной работе показан независимый взгляд автора, освещающего исторические события не только как незаинтересованное лицо с какой-то одной идеологической картиной мира, но и представившее события с различных точек зрения.⁹¹ Своя школа гуситологов сформировалась в Германии, которая в настоящее время занимается проблемой чешско-немецких межнациональных конфликтов гуситской эпохи.

При изучении историографии славяноведов Германии, других стран западной Европы и США, представителей так называемого цивилизованного мира, трудно найти сходные черты в написании научных трудов по истории восточной Европы, в частности Чехии. Немецкая историография до настоящего времени сохранила если не пренебрежительный взгляд на своего восточного соседа, но точно взгляд покровительственный, снисходительный.

⁹⁰ Лаптева Л.П. Проблема гуситского движения в новейшей американской и английской исторической литературе // Славяно-германские исследования. М., 1963, С. 70-78.

⁹¹ Лаптева Л.П. Источниковедение истории южных и западных славян. М., 1999. С. 68–77.

Ранее, во времена конфронтации, немецкие историки Макс Вебер, Константин Хефлер и другие смотрели на Чехию как на дикую колонию, Карл Маркс и его последователи смотрели не так радикально на чехов, но покровительственный тон в текстах марксистов остался, к нему добавилось уважение к борьбе народа Чехии и сочувствие к суровой доле Чехии в роли составной части Австро-Венгрии. Тем не менее марксисты тоже смотрели на восточных соседей как на несмышленных младших братьев, которым нужна помощь и напутствие на путь истинный. Современные историографы по прежнему самой интересной темой считают противоборство славян со Священной Римской империей в средневековье, о чём говорят многочисленные работы Ф. Зайбта, наиболее авторитетного современного немецкого славяноведа. Диаметально противоположный взгляд на историю Чехии имеют американские исследователи, которые с начала XX века изучают гуситское движение. Отсутствие жёсткой идеологии в США, научная свобода позволяют выражать различные взгляды по данной теме. Даже во времена «Холодной войны», славяноведы из США восхищались историей Чехии и создавали славистические исследования по истории Церкви Чешских Братьев, потомков гуситов, издавали книги и изучали развитие средневекового чешского общества. Труды американских учёных по истории гуситского движения актуальны и используются для изучения истории славянских стран в университетах США.

Глава II. Отечественная историография гуситских войн

2.1. Дореволюционная историография

На протяжении всех периодов изучения Гуситских войн в России формировались различные взгляды на гуситское движение, и на его руководителей. Это всеобъемлющее движение, изменившее историю Чехии, породило множество взглядов, которые ковались при воздействии времени и веяний политики. Нужно глубже разобраться в трудах, которые были не только подвержены воздействиям политических течений, но и имели в большинстве своём описание социально-экономического развития гуситского периода, но каждый отталкивался от своих убеждений – в большинстве своём присутствовала т.н. новая идеология. В разное время гуситское движение, в зависимости от политической и историко-научной конъюнктуры, получало разные противоречивые оценки.

Начало научного исследования в России истории гуситского движения относится ко второй половине XIX в. До этого времени немногочисленные статьи и единичные монографии на эту тему не были основаны на разработке источников, а представляли собой в большей или меньшей мере заимствования из зарубежной литературы. Со второй половины XIX в. исследование истории реформации в Чехии развивается по восходящей линии в рамках российской исторической науки. Вплоть до начала XX в. включительно в русской исторической славистике существовали три основных направления: славянофильское, народническое и позитивистское. Каждое из них руководствовалось своей общей идеей славянской истории, своим методом исследования, собственным отношением к источникам, что отражалось и на изучении гуситского движения. Главными центрами изучения истории зарубежных славян в России были университеты. Главным сюжетом чешской феодальной истории, интересовавшим русских ученых, было гуситское движение. Оно стало исследоваться с 40-х годов XIX века. В 50—70-е годы XIX века в трактовке его преобладала славянофильская

концепция. Славянофилы считали гуситское движение религиозным выражением стремления чешского народа «возвратиться» к православию. Большинство историков славянофильского направления отрицательно относилось к таборитам, утверждая, что их действия были проявлением несвойственного славянским народам «насилия».⁹²

Фундаментальными трудами славянофильской историографии гуситского движения являются монография Е. Новикова «Гус и Лютер» (т. 1—2, 1859) и «Очерк истории чешского вероисповедного движения» А. Клеванова (1876; написан значительно ранее). Трактовке истории гуситского движения со славянофильских позиций посвятил свои работы «Очерк истории Чехии» (1862) и «Гус. Его отношение к православной церкви» (1870) А. Ф. Гильфердинг. Такой взгляд на гуситское движение присущ и работе В. Надлера (1840—1894) «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе» (1864). В том же духе выдержаны сочинения «Чех Ян Гус из Гусинца» В. Бильбасова (1869), работы историков церкви, а также некоторые исследования В. И. Ламанского (1833—1914), его ученика А. С. Будиловича и др. Позиции славянофилов полностью дают положительную оценку гуситам, как борцам за справедливость и религиозную свободу, а также за славянское единство в Восточной Европе. Данные авторы и их исследования представлены в трудах советского историографа Ю.Ф. Иванова.⁹³

Славянофильская концепция гуситского движения господствовала в русской историографии до 70-х годов XIX в., способствуя в некоторой степени его изучению. Но методологические ее пороки стали тормозить дальнейшее развитие науки. Уже с начала 60-х годов славянофильский подход подвергается критике. П. А. Ровинский (1831—1916) в работе «Главные моменты истории чешского народа» (1868) опровергал

⁹² Лаптева Л.П. Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX - начала XX вв. // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971. С. 322.

⁹³ Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в русской историографии // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 52—92.

славянофильскую концепцию истории в целом, а гуситское движение рисовал многоплановым, считая его в принципе национально-социальным, а не религиозным. Главную роль в нем Ровинский отводил народным массам, объясняя их энтузиазм трудным положением большинства населения в предгуситскую эпоху. В отличие от славянофилов он уделял большое внимание таборитам, оправдывая их действия историческими условиями. В таком подходе к гуситскому движению проявились революционно-народнические взгляды Ровинского.⁹⁴

Представитель умеренного крыла народнической историографии С. А. Венгеров (1855—1920), придерживаясь мнения, что в истории славян следует изучать прежде всего деятельность народных масс, в трех статьях о гуситском движении отрицал роль в нем не только политических, но и социально-экономических моментов, как, впрочем, и религиозных. Важными он считал только факторы нравственные. Чешский народ, по словам Венгерова, боролся за свободу и веру против захватчиков. Гуситское движение, по Венгерovu, чистое и благородное, в то время как Священная Римская империя это квинтэссенция зла в Европе.⁹⁵

К 80-м годам XIX в. в русской гуситологии возобладал позитивистский подход. Историки-позитивисты исследовали социальные и национальные мотивы гуситского движения, разыскивали новые источники, подвергли критике славянофильскую концепцию, но не увидели в нем явления социальной борьбы. К работам этого направления относятся «Социально-политическое учение Гуса (по чешским его сочинениям)» 1878 года Х. П. Яшуржинского, «Чешские сочинения Гуса и время их написания» (1877) Ю. С. Анненкова и др. Крупнейшим исследователем гуситского движения в конце XIX — начале XX в. был И. С. Пальмов (1856—1920). Он придавал религиозному аспекту движения гораздо большее значение, чем

⁹⁴Липатникова Г.И. К изучению гуситского революционного движения в русской дореволюционной историографии// Вопросы истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1. С. 50-67.

⁹⁵ Там же. С. 67.

позитивисты. Но в то же время — особенно в трудах «Вопрос о чаше в гуситском движении» (1881), «Чешский гусизм и его историческое значение» (1909) — Пальмов критически отнесся к славянофильской концепции. Он ввел в научный оборот много новых источников, коснулся ряда вопросов, не затрагивавшихся его предшественниками.⁹⁶

С позитивистских позиций написана работа Н. И. Серебрянского «Ян Гус. Его жизнь и учение» (1915). Большой знаток сочинений Гуса и вообще источников о гуситском движении, Серебрянский отвергал попытки сблизить учение Гуса с православием, выступал против славянофильской оценки Гуса и его единомышленников. Его концепция идеализировала учение магистра только как «духовную опору, сплотившую чешский народ против экспансии с Запада».⁹⁷

Родоначальником научного исследования литературной деятельности Петра Хельчицкого в России был Ю. С. Анненков (1849—1885). Он разыскал многие произведения забытого чешского средневекового мыслителя, написал о них ряд ценных исследований и почти полностью подготовил к печати один из главных трудов Хельчицкого — «Сеть веры», с подробным изложением по главам на русском языке. Ю.С. Анненков говорит в своей книге о Петре Хельчицком как о борце за великие идеи христианства, как о защитнике не только чешского народа, но и всех славян, чем сильно идеализирует данного исторического персонажа.⁹⁸ К сожалению главное исследование Анненкова осталось неоконченным — смерть помешала ему довести до конца готовившееся к изданию сочинение Хельчицкого «Сеть веры». Часть этого трактата была издана на чешском и русском языках в «Журнале Министерства Народного Просвещения» после смерти Анненкова в 1893 году под заглавием: «Чешские сочинения Гуса и время их написания. Библиографические разыскания».

⁹⁶ Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография. М., 2010. С. 68-134.

⁹⁷ Серебрянский Н.И. Ян Гус, его жизнь и учение. Псков, 1915. С. 109-113.

⁹⁸ Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография. М., 2010. С. 48-51.

Особенно много для выяснения деталей литературной деятельности Хельчицкого и развития гуситской идеологии сделал Н. В. Ястребов (1869—1923), историк позитивистского направления. Его перу принадлежит ряд сочинений, не потерявших научного значения до настоящего времени. Крупнейшим из них является монография «Этюды о Петре Хельчицком» (1908), в которой вопрос о месте Хельчицкого в истории чешской общественной мысли XV в. поставлен на прочную научную базу, а сам средневековый философ представлен как выдающийся религиозный деятель, настоящий патриот и защитник своего Отечества.⁹⁹ В изучении творчества Хельчицкого русская историография благодаря Н.В. Ястребову вышла на европейский уровень.¹⁰⁰

Позитивизм во взглядах на гуситское движение проявил А.А. Кочубинский (1845—1907) в работе «Братья подобои и чешские католики в начале XVII века», изданной в 1873 году. Кочубинский обрисовал историю Общины чешских (Богемских) братьев от их возникновения в середине XV в. до ликвидации на территории Чехии после Белогорской битвы 1620 г. Также в книге представлены документы и уставы Общины чешских братьев, их отношение к другим религиозным течениям. Также перечисляются великие чешские учёные, вышедшие из среды Богемских братьев, такие как Ян Амос Коменский и Ян Благовост. Автор отмечает большое влияние Общины на всё чешское общество, его культурное развитие, а также показывает связь Чешских братьев с Россией, приводя в пример то, что большое число Моравских братьев переселилось в Россию после издания Екатериной II манифеста о приглашении в Российскую империю иностранных колонистов. Кочубинский рассказывает о том, что Моравские братья одними из первых основали в 1765 году свою колонию в городе Сарепте Царицынского уезда Саратовской губернии. После смерти в 1817 году проповедника Генриха Штиллинга-Юнга Чешские братья из Вюртемберга и Баварии добились

⁹⁹ Ястребов Н.В. Этюды о Петре Хельчицком и его времени, Спб., 1908. С. 134-150.

¹⁰⁰ Крзнецк Т. Проблемы историографии Гуситских войн//Вестник МГУ 95/1997. С.461.

особого разрешения у Александра I на поселение в Закавказье, поскольку Штиллинг-Юнг утверждал, что второго пришествия следует ожидать за Кавказом, у горы Арарат. Почти девять тысяч членов общин, по словам Кочубинского, распродав имущество, отправились на восток, но менее половины из них добрались до Измаила, остальные погибли в пути. Некоторые из них осели в Бессарабии и вблизи Одессы, однако около 500 семей продолжили путь в Закавказье. К 1819 году они образовали несколько колоний в Грузии близ Тифлиса и одну колонию в Азербайджане. Автор говорит о большой положительной роли Общины на жизненный уклад тех мест, где до сих пор проживают представители этого религиозного течения.¹⁰¹ Книга «Братья подобои и чешские католики в начале XVII века» была переиздана в России в 2011 году с воспроизведением оригинальной авторской орфографии издания 1873 года.

Учение Общины чешских братьев освещено также в трудах И. С. Пальмова, интересовавшегося преимущественно его конфессиональной стороной. Наиболее крупным исследованием Пальмова по этому вопросу является книга «Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами» 1904 года в двух томах. Помимо описания территориальной принадлежности Общины моравских братьев, И.С. Пальмов останавливается на влиянии гуситского движения на создание Общины и воздействие чешского общества на различные институты представленного автором религиозного течения, как то быт, мировоззрения, способы ведения хозяйства и систему воспитания. Большая часть книги отведена особенностям учения Моравских братьев, перечислению, по словам автора, положительных, прогрессивных качеств Общины, которые кроме требования чистоты апостольской жизни, заключаются в сохранении семи таинств, в признании только духовного причастия и в отвержении спасения одной верой, присяга, военная и государственная служба отвергаются ими как

¹⁰¹Кочубинский А.А. Братья-подобои и чешские католики в начале XVII века. М., 2011. С. 250-274.

несогласные с Нагорной проповедью, церковное устройство их тоже основывается на Священном Писании: проповедью и причастием заведуют пресвитеры (*ministri*), тогда как надзор за церковным благочинием находится в руках епископов (*episcopi* или *semores*).¹⁰²

В русской историографии, изучавшей последствия гуситских войн, большое внимание уделялось Яну Амосу Коменскому. Главный акцент при этом был сделан на его педагогических идеях и его принадлежности к религиозному течению Чешских братьев, основанному вследствие гуситского движения. Кроме того, Коменский оценивался как мыслитель, национальный деятель, картограф и т. д. В русских переводах были изданы как отдельные его сочинения, так и сборники его педагогических трудов.¹⁰³

В отечественном славяноведении середины XIX - начала XX вв. изучение гуситского движения являлось одной из ведущих тем, разрабатывавшихся русскими славистами, и переживало период расцвета. Русская дореволюционная историография начала исследоваться в работах отечественных гуситологов лишь в 60-х - начале 70-х гг. XX века, что нашло отражение в статьях Г.И. Липатниковой¹⁰⁴ и Ю.Ф. Иванова.¹⁰⁵ В них авторы лишь наметили контуры проблем, стоявших перед русским дореволюционным гуситоведением. Также данные авторы перечислили не только основные известные имена отечественных и зарубежных историков-специалистов по теме гуситского движения, но и привели имена менее известных историков, в частности занимавшихся вопросом гуситских войн на рубеже XIX и XX веков в Великобритании, Германии и США.

Более подробно и критически работы русских дореволюционных историков были рассмотрены в 1970-е годы в ряде историографических

¹⁰² Пальмов И. С. Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия. П., 1904, Т. 1. С. 76-108.

¹⁰³ Там же с. 115-124.

¹⁰⁴ Липатникова Г.И. К изучению гуситского революционного движения в русской дореволюционной историографии// Вопросы истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1. С. 69-92.

¹⁰⁵ Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в русской историографии// Вопросы истории. 1973. № 9. С. 52—63.

статей¹⁰⁶ Л.П. Лаптевой и ее капитальной обобщающей монографии «Русская дореволюционная историография гуситского движения (40-е гг. XIX в. — 1917 г.)». В своей монографии Л.П. Лаптева проанализировала не только работы русских гуситологов, но и впервые обоснованно выделила ряд историографических направлений (славянофильское, народническое, позитивистское и др.) в русском гуситоведении, определила круг изучавшихся проблем. В полемике о сущности гуситского революционного движения у автора проявились методологические принципы представителей ряда крупных течений русской общественной мысли: славянофилов и западников, провиденциалистов и позитивистов, сторонников концепции славянской взаимности, последователей протестантской и католической точек зрения на историю средневековой Европы. Также, в монографии Л.П. Лаптевой отмечается то, что с проникновением в Россию марксизма были сделаны первые шаги в рассмотрении гуситского движения с диалектико-материалистических позиций. В книге сделана попытка раскрыть корни мировоззрения и методологии отдельных авторов, исследуются творческие биографии каждого из них, анализируются их высказывания по отдельным проблемам истории гуситской эпохи.¹⁰⁷

¹⁰⁶ Лаптева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской дореволюционной историографии XIX начала XX в. // *FoliaHistoricaBohemica* (далее FHB). 13. Praha, 1990. S. 369-425; Лаптева Л.П. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии // FHB. 6. Praha, 1985. S. 175-234; Лаптева Л.П. Реформатор второго плана // *Человек второго плана в истории*. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 2. С. 26-54; Лаптева Л.П. Табориты, их социальный состав и идеология в освещении русской литературы XIX начала XX вв. // *Советское славяноведение*. 1971. № 4. С. 26-40; Лаптева Л.П. Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX - начала XX вв. // *Вопросы истории славян*. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 117—134; Лаптева Л.П. Чешский мыслитель XV в. Петр Хельчицкий в русской историографии. Петр Хельчицкий и Лев Толстой // *Вестник Московского университета*. 1996. №3. С. 48-56; Лаптева Л.П. Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX -начала XX вв. // *Исследования по славяно-германским отношениям*. М., 1971. С. 282-328.

¹⁰⁷ Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения. (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978. С. 125-156.

2.2 Советская историография Гуситских войн

Исследования по истории гуситского движения были прерваны Октябрьской революцией 1917 г. и возобновлены в СССР уже на марксистской основе в конце 1930-х гг., пройдя сложный процесс становления. Золотым веком советской историографии гуситского движения стали 1960-е - 1980-е годы, когда определились главные направления исследований по гуситской проблематике, и вышло наибольшее количество работ по данной теме. В начале 1990-х гг. отечественные исследователи во многом пересмотрели марксистскую концепцию гуситского движения и в настоящее время находятся в процессе поисков новой трактовки, отвечающей требованиям современной науки.

Систематическое изучение истории движения гуситов одним из первых в СССР начал Борис Тимофеевич Рубцов – советский исследователь истории Чехии, он же являлся самым авторитетным историком в этом вопросе. По данной теме автор выпустил серию книг, в которых раскрыл советский взгляд на данное историческое событие через призму марксизма-ленинизма. Также книги данного автора ценны концепцией борьбы чешского народа за свои интересы с помощью применения гуситами новых способов ведения боевых действий и дипломатических переговоров между сторонами.¹⁰⁸ Главными трудами Б.Т. Рубцова являются две его книги о событиях 1420 – 1434 гг. и последствиях этих событий – «Гуситские войны» и «Ян Гус». «Гуситские войны», или дополнительное название данного труда «Великая крестьянская война XV века в Чехии», повествует о причинах и предпосылках войны, основных событиях и последствиях религиозных противоречий. В предисловии автор даёт свою оценку событиям XV века в Чехии: «...Одним из наиболее ярких и величественных периодов прошлого народов Чехословакии является первая половина XV века - время так называемых гуситских войн. Гуситские войны представляли собой мощное и

¹⁰⁸ Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1959. С. 175.

грозное крестьянское восстание - подлинную крестьянскую войну... О том, как жили чешские крестьяне в XV веке, что заставило их поднять оружие, об их героической борьбе и замечательных победах рассказано в этой книге». ¹⁰⁹Разумеется, написанная в 1950-е годы книга, достаточно богата советской идеологией, о чём говорят цитаты из высказываний Сталина в заключении книги и полностью марксистская концепция изучения представленных исторических событий: «Трагическая судьба чешских повстанцев волновала передовых сынов России, Украины и Белоруссии. О дружбе и братском союзе освобождённых славянских народов мечтали декабристы. Великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко выразил любовь и уважение братских народов Украины, России и Белоруссии к славным традициям гуситов в своей поэме «Еретик». Рисуя величественный образ Гуса, павшего жертвой феодально-католической реакции, великий народный поэт Украины высказал глубокую уверенность в том, что зажжённая Гусом, Искра пламени большого, И не погасает, Ждёт поджога, точно мститель, Часа ожидает. Гениальным пророчеством звучало сокровенное пожелание поэта: Чтобы стали все славяне Братьями-друзьями, Сыновьями солнца правды, того солнца правды, которое народы нашего времени видят в бессмертных идеях ленинизма, осветивших народам нашей Родины и всего мира путь к счастью — путь к построению коммунизма. Именно в братском единении славянских народов и трудящихся всех стран видел великий сын украинского народа залог светлого будущего своей Родины, которая стоит ныне в первых рядах строителей коммунизма, являясь составной частью тех прогрессивных сил, которые, по словам Шевченко, Принесут они навеки миру мир и славу!». ¹¹⁰ Тем не менее, книга «Гуситские войны» имеет неоспоримую ценность в силу основательности изучения самих событий гуситского движения, освещения политической и экономической составляющей событий средневековой Чехии,

¹⁰⁹ Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1959. С. 5.

¹¹⁰ Там же. С. 322.

предоставления документальных сведений о религиозных преобразованиях и боевых действиях на всех фронтах Гуситских войн.¹¹¹ Качественные иллюстрации показывают несколько различных карт средневековой Чехии, её столицы Праги и всей Европы. Карты подробно указывают масштабы гуситского движения, направления ударов противоборствующих сторон, их политические приёмы, такие как путешествие магистра Иеронима Пражского в Псков и Витебск в 1412 году, и основные центры, в которых располагались наиболее крупные скопления лагерей гуситов, утраквистов и союзников Сигизмунда. Помимо карт, в книге также представлено огромное число иллюстраций – различные средневековые скульптуры, гравюры, фрески, мозаики, барельефы, портреты художников того времени, изобразивших на полях сражения командиров и идеологов гуситов Яна Жижку, Микулаша из Пельгржимова, Прокопа Великого, Иеронима Пражского. При этом книжные иллюстрации включают в себя ещё и чешские монеты, различные реконструированные предметы вооружения обеих сторон, в том числе и огнестрельного оружия, а также образцы холодного оружия народных войск ополчения и другие важные исторические мелочи, такие как герб чешского королевства. Безусловно, труд «Гуситские войны» Рубцова является одним из величайших исследований среди отечественных историков, хоть и написан он во времена и в духе господствовавшей марксистско-ленинской идеологии. Некоторые взгляды в данном произведении всё же являются прогрессивными, которые используются историками по сей день, такие как теория об обострении социальных и национальных противоречий в Чехии в начале XV века,¹¹² рассказ о разрыве между таборитами и чашниками, произошедшем в 1421—1424 годы,¹¹³ а также Рубцов первый в отечественной историографии рассказал о судьбе таборитов за пределами Чехии и с диалектических позиций рассказал о Липанской битве и конце

¹¹¹ Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1959. С. 195-199.

¹¹² Там же. С. 52-82.

¹¹³ Там же. С. 181-190.

крестьянской войны (1433—1437 годы).¹¹⁴ Чешская реформация и её социальная сущность, а также историческая значимость Яна Гуса в книге представлена в заключении как «значительное социальное, экономическое и политическое событие, повлиявшее на судьбу всей Европы и до сих пор воодушевляющее низы на революционную борьбу против несправедливости угнетателей и за свободу, равенство и справедливость».¹¹⁵

Основная часть книги, где рассказывается о ходе событий Гуситских войн, практически свободна от марксистско-ленинских позиций, так как повествует о том, о чём писали современники событий Гуситских войн и их потомки. Качественные иллюстрации и подробные карты помогают погрузиться в среду средневековой Чехии, поэтому данный труд для отечественных историков просто незаменим при изучении гуситского движения.

Второй главный труд Б.Т. Рубцова по теме гуситского движения – «Ян Гус», повествует об этом великом идеологе и религиозном деятеле, его заслугах в Чехии, в Европе и мире. Свою концепцию и свой взгляд на данную историческую личность, а также желание передать своё отношение к магистру Пражского университета автор показывает сразу в предисловии:

«...6 июля 1415 г., 540 лет назад, в такой же июльский день далеко от границ Чехии, на берегу Рейна, медленно разгорался костер. Крепко привязанный веревкой к столбу, стоял бледный, худой человек. Взор его выражал непреклонную решимость, твердость и стойкость. В последний раз приблизился к осужденному вельможа в расшитой золотом одежде. Он обещал приговоренному к смерти пощаду и жизнь; от его решения зависело отменить приговор, погасить пламя, которое начало, потрескивая, распространяться по сухим дровам. Но человек на костре был непоколебим, и, хотя пламя разгоралось и росло, ничто не могло заставить его отречься от своих убеждений, от дела всей жизни.

¹¹⁴ Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1959. С. 294-306.

¹¹⁵ Там же. С. 307.

Расправой с великим чехом враги хотели утратить и унижить чешский народ, но они просчитались. И сейчас, спустя пять столетий, имя этого человека близко и знакомо не только гражданам Чехословакии, но всему передовому человечеству.

Кто же он был такой? За что отдал он свою жизнь? Чем вызвал ненависть и жестокую расправу? И почему его имя так дорого нам? Именно для того, чтобы рассказать советскому читателю о замечательном чешском патриоте, борце и мыслителе, написана эта книга».¹¹⁶

В «Яне Гусе» Рубцов полностью идеализирует образ, рассказывает весь жизненный путь магистра Гуса, его стремления и приводит в доказательство некоторые документы, дошедшие до наших дней. В частности, в книге автор представил в главе IV «Жизнь в борьбе» обширные цитаты из сочинений и проповедей Яна Гуса. Цитируются его хорошо известный латинский труд «Чешская орфография», сложенные Гусом несколько песен, которые стали народными в Чехии, некоторые проповеди также представлены в виде цитат.¹¹⁷

Третья книга Б.Т. Рубцова о Гуситских войнах «Подвиги таборитов». В ней продолжена работа по персонификации Гуситских войн, то есть уточнение имён и событий гражданской войны в Чехии, их последствий. Автор в данной книге тоже пользуется цитатами из наиболее достоверных источников, написанных свидетелями тех событий. Представлены цитаты из Лаврентия из Бржезовой и Бартошека из Драгониц. В книге Б.Т. Рубцова рассказывается, по словам автора, о доблестных воинах таборитах, о их блестящих победах, о их славных полководцах Яне Жижке, Микулаше из Гуси, Яне Рогаче, Прокопе Великом и других. «Подвиги таборитов», также как и две предыдущие книги автора, иллюстрирована рисунками выдающегося чешского художника М. Алеша и средневековыми миниатюрами. Совершенно ясным становится идеализирующий взгляд

¹¹⁶ Рубцов Б.Т. Ян Гус. М., 1958. С.5-7.

¹¹⁷ Там же. С. 42-60.

автора на события уже в начале первой главы: «Табор. Этот небольшой южночешский городок связан с героической деятельностью замечательных борцов против эксплуататоров, за свободу и независимость Чехии - таборитов. Табориты первыми в мировой истории предприняли решительную попытку уничтожить феодальный строй. Подвиги таборитов составили замечательную страницу гуситского революционного движения. Гордое имя таборитов навсегда вошло во все языки мира как символ верности народному делу».¹¹⁸ Автор здесь гораздо больше останавливается на марксистско-ленинской концепции изучения истории, поэтому идеализация борьбы народных масс против феодалов-эксплуататоров пронизывает всю книгу. В «Подвигах таборитов» Рубцов полностью идеализирует представителей радикального крыла гуситов и называет Гуситские войны священной войной против угнетателей.¹¹⁹

В 1962 г. обобщающую монографию «Из истории гуситского революционного движения» опубликовал профессор Саратовского университета А.И. Озолин. Он сформулировал концепцию гуситского движения, просуществовавшую в советской историографии до конца 1980-х гг. Он рассмотрел такие вопросы как, изучение гуситского движения в предшествующей историографии (вплоть до 1950-х – начала 1960-х гг.), основные гуситские источники, известные на момент выхода монографии, социально-экономическое и политическое развитие предгуситской Чехии. Также автором были рассмотрены вопросы возникновения гуситской идеологии, особенности и различия программ чашников и таборитов и значение гуситского движения в истории Чехии и остальной Европы. Также, А. И. Озолин вновь вернулся к проблеме откликов на это движение, преувеличенных в тогдашней советской историографии. Автор в монографии рассмотрел гуситское движение в положительном свете, охарактеризовав его

¹¹⁸ Рубцов Б.Т. Подвиги таборитов. М., 1961. С. 7.

¹¹⁹ Там же. С. 85.

как борьбу чешского народа за равноправие.¹²⁰ В 1960-е – 1980-е гг. на основе монографии А.И. Озолина публиковались учебные пособия по истории средних веков и истории южных и западных славян, в которых в общих чертах он рассматривал гуситскую проблематику. Национальные проблемы гуситского движения нашли отражение в ряде работ А. И. Озолина и, в частности, в статье «Национальный вопрос и бюргерская оппозиция в годы народного восстания (1419–1437)».¹²¹

Воронежская исследовательница Г. И. Липатникова все свое научное творчество посвятила изучению истории Пражского университета, в том числе, и гуситского периода.¹²² Также Г.И. Липатникова занималась изучением дореволюционной историографии и опубликовала в 1963г. статью по данной тематике.¹²³ В 1980 г. вышла статья автора, посвященная проблеме Кутногорского декрета, эталонам поведения студентов и проблемам феодальной интеллигенции, рассмотренным на материалах Пражского университета.¹²⁴

В 1960-е – 1980-е гг. советские историки серьезно рассматривали проблемы гуситской идеологии. Программы таборитов и умеренного крыла гуситов и некоторые другие проблемы гуситской идеологии освещались Б. М. Руколь в ее статье «Элементы утопического социализма у таборитов».¹²⁵ В меньшей степени советскими историками изучалась деятельность соратника Яна Гуса, магистра Пражского университета Иеронима Пражского (ок. 1378/80–1416), преимущественно в историографическом и

¹²⁰ Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962. С. 67-71.

¹²¹ Озолин А.И. Средневековый город. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 111–145.

¹²² Липатникова Г. И. Ян Гус // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966. Вып. 2. С. 3–25.

¹²³ Липатникова Г.И. К изучению гуситского революционного движения в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1963. Вып. 1. С. 69-92.

¹²⁴ Липатникова Г. И. К проблеме феодальной интеллигенции (на материалах истории Пражского университета) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1985. Вып. 8. С. 3–15.

¹²⁵ Руколь Б.М. История общественной мысли. М., 1972. С. 507–533.

источниковедческом плане. Из последних работ можно отметить статью Б. М. Руколь «Источники об Иерониме Пражском».¹²⁶

Обобщающие историографические работы, в которых анализировались основные тенденции развития отечественной (советской и современной российской) историографии гуситского движения стали выходить лишь с начала 1970-х гг., когда данное направление исследований достигло достаточной степени зрелости. До этого появлялись лишь отдельные, хотя и достаточно подробные историографические очерки в трудах советских историков.

Первую попытку обобщения результатов изучения гуситской проблематики в советской историографии с конца 1930-х до конца 1960-х гг. предпринял харьковский историк А. И. Митряев в кандидатской диссертации «Советская историография гуситского движения» (1970 г.). В ней рассматривались вопросы становления и развития марксистской концепции гуситского движения в советской историографии, возникновения главных славяноведческих центров в СССР и указывались основные работы по гуситской проблематике в данный период. Кроме того, автор проанализировал наиболее важные аспекты гуситского движения, выделявшиеся в исследованиях до конца 1960-х гг. Слабой стороной данной работы следует признать стремление исследователя показать лишь положительные стороны советской марксистской историографии гуситского движения, без ее критического осмысления.

Г.Э. Санчук в статье «Гуситское движение в советской историографии» (1973) уже более четко, чем А. И. Митряев, обозначил основные направления изучения гуситской проблематики с конца 1930-х до 1960-х гг., связав развитие гуситоведения с контекстом институционального становления советского славяноведения (созданием в 1939 г. славистических центров в АН СССР и МГУ). Но и в этой статье проводилась мысль о «прогрессивном»

¹²⁶Руколь Б.М. Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978. С. 335–340.

развитии советской историографии гуситского движения, отсутствовала ее четкая периодизация, а марксистская концепция данного феномена представлялась, в духе времени, единственно верной.¹²⁷ С этих же позиций рассматривалось развитие советского гуситоведения в конце 1930-х - начале 1950-х гг. в статье Ю.Ф. Иванова. В 1980-х гг. исследования по гуситской проблематике нашли отражение в статьях Ю.Ф. Иванова и А.Н. Галямичева, посвященных проблемам общего изучения в СССР истории средневековой Чехии.¹²⁸

У советского и российского историка, специалиста по Чехии, А.В. Рандина, последователя идей Б.Т. Рубцова, описана основная концепция борьбы гуситов за свои убеждения. В частности, А.В. Рандин доказывает обоснованность борьбы за равноправие в причащении и разногласия низов и верхов чешского общества. При этом в своих взглядах А.В. Рандин исходит из исторических концепций Б.Т. Рубцова, то есть права гуситов, которые вели священную войну против феодалов: «Данная программа была единой для всех направлений гуситов, но различные лагеря акцентировали отдельные положения программы и расходились в способах борьбы за неё и степени готовности к компромиссу».¹²⁹ «Умеренное крыло признавало вооружённую борьбу только в целях обороны. Если для способа управления Табором можно смело употребить термин «гуситская теократия», то у сирот на ключевых постах братства находились представители дворянства, как наиболее талантливые управленцы. Гуситы под вооружённой борьбой подразумевали защиту своего учения, как необходимое зло, и предпочитали мирные способы продвижения своих идей на основе переговоров и компромиссов, вооружённая борьба была вынужденной мерой сопротивления. Радикальное направление гусизма выросло из хилиазма и считало допустимым любые способы очищения мира от зла. Поэтому его

¹²⁷ Санчук Г.Э. Гуситское движение в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. - М, 1973. С.44-59.

¹²⁸ Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в советской историографии (конец 30-х - начало 50-х годов) // Советское славяноведение, 1982, № 3. С.43-52.

¹²⁹ Рандин А.В. Гуситская революция. Йошкар-Ола., 1994. С. 71.

представители настаивали на бескомпромиссной борьбе за повсеместное распространение своего учения. Именно поэтому гусизм имеет колоссальную историографию. Однако, несмотря на столь разные подходы, все гуситские лагеря забывали про свои внутренние противоречия для борьбы с внешними врагами. В 1420-1422 годах объединенные гуситские силы успешно отразили интервенцию католического лагеря и превратились в «божьих воинов», без колебаний проливавших свою и чужую кровь за открывшуюся им истину и благородные идеалы».¹³⁰

Позиция автора наиболее ясно видна в статье «Похождения русского гусита в Чехии и Словакии»: «С середины 1420-х годов гуситы перешли в наступление и перенесли боевые действия за пределы Чешского королевства. Первые заграничные походы под предводительством Прокопа Голого были предприняты уже в 1425-1426 годах (в Моравию), но регулярный характер они приобрели с 1428 года. Целью этих походов была «демонстрация врагам военного преимущества гуситской Чехии, распространение «Четырех Пражских Статей», а на поздней стадии - и материальное улучшение положения полевых войск». При всех своих успехах гуситам не удалось полностью подчинить своему контролю территорию Чешского королевства, и в Чехии протяжении всего гуситского периода продолжал существовать католический лагерь (на западе и юге страны). Разгром пятого по счету крестового похода против гуситов в битве у Домажлиц (14 августа 1431 года) окончательно похоронил надежды на насильственное искоренение «чешской ереси». Впервые в истории католическая церковь была вынуждена пойти на равноправные переговоры с еретиками. В 1432-1433 годах в Хебе и Базеле проходят сложные переговоры между гуситами и представителями Базельского собора. Началу переговоров в значительной степени

¹³⁰Рандин А.В. Гуситский архиепископ магистр Ян Рокицана//Вестник МГУ, сер. 8. история, №3, 1994. С. 50-62.

способствовала заинтересованность всех противоборствующих сторон в скорейшем установлении мира».¹³¹

Отечественная гуситология советского периода прошла сложный путь развития от первых статей, где намечались контуры основных вопросов гуситской проблематики до монографической разработки его фундаментальных проблем. По сравнению с русской историографией XIX — начала XX вв. советские историки (особенно в послевоенное время) сделали шаг вперед. Главный упор делался теперь на разработке не столько религиозных и национальных, сколько социально-экономических аспектов гуситского движения, стали привлекаться данные смежных научных дисциплин (литературоведения и филологии), активнее анализировались источниковедческие и историографические проблемы. Советские историки-специалисты по тематике гуситского движения многочисленны, так как в СССР Гуситские войны преподносились в духе классовой борьбы. Самые известные исследователи – это Б.Т. Рубцов – советский исследователь истории Чехии, он же являлся самым авторитетным историком в этом вопросе, А.И. Озолин, Г.И. Липатникова, Б.М. Руколь, Г.Э. Санчук, Ю.Ф. Иванов, А.В. Рандин, Л.П. Лаптева. Наиболее авторитетными трудами советского времени по тематике гуситского движения, актуальные и сегодня, являются три книги Б.Т. Рубцова «Ян Гус», «Гуситские войны» и «Подвиги таборитов».

2.3 Современная российская историография

Отечественную гуситологию и связанную с ней историографию принято делить на несколько этапов развития. Историки всегда зависели от

¹³¹Рандин А.В. Похождения русского гусита в Чехии и Словакии // Родина, 2001 - №1 – С. 30.

действующей политики государства, и советская историография не была исключением из правил. Она не была разнообразной во взглядах и суждениях на проблемы развития истории и общества, и только в конце 80-х—начале 90-х гг. XX в. наблюдается отход от устоявшихся представлений в освещении советской историографии гуситского движения. В нашей стране в последнее время не выходило обширных публикаций, посвященных чешским исследованиям гусизма после 1980 года. Непосредственно этой тематике был посвящён ряд статей известной российской исследовательницы Л.П. Лаптевой, а отдельные её аспекты затронули историки А.Н. Галямичев и А.В. Рандин.

Но по этим работам можно получить представление о новых тенденциях, появившихся в современных исследованиях гуситского периода (на 1991 год). В 1990 году в своём учебно-методическом пособии по истории Чехии Л.П. Лаптева впервые обращает внимание читателей на изменения, происходящие в направлении исследований в Чехии. По её мнению, они заключаются в трактовке гуситской революции как особого типа революций внутри феодальной формации. В этом контексте, по мнению, Л.П. Лаптевой, современные исследователи справедливо подчёркивают, что битва у Липан 1434 года стала поражением не революции, а отдельно взятой радикальной группировки, представлявшей собой тупиковую ветвь в гусизме.¹³² В другой своей работе Л.П. Лаптева предложила краткий обзор, посвященный освещению гуситского движения в современной чешской историографии (по 1991 год).¹³³ Л.П. Лаптева отмечает, что в современных исследованиях понятие «гуситская революция» вытесняет понятие «гуситское революционное движение».¹³⁴ Также ошибочным было представление о значительном ухудшении положения низшей шляхты на рубеже XIV и XV

¹³² Лаптева Л.П. Гуситское движение в Чехии XV в. Учебно-методическое пособие. М., 1990. С. 56-74.

¹³³ Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего двадцатилетия (1970-1990) // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.77-95.

¹³⁴ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005. С. 101-103.

вв.¹³⁵ Л.П. Лаптева обращает внимание и на переосмысление многих аспектов развития Табора. В отличие от Й. Мацека, считавшего битву у Липан (1434 г.) концом гуситского движения, и исследовавшего только первые годы существования Табора, современные учёные уделяют внимание всем аспектам развития города вплоть до второй половины XV века.¹³⁶

Они пришли к выводу, что основные условия жизни новой общины вступили в противоречие с возвышенными планами её вождей - создать «божье царство» равноправных людей, не знающих эксплуатации, имущественного неравенства, властей и церкви. Таким образом, необходимость обеспечения войск, управления и обороны закономерно привели к ликвидации первоначально революционно-плебейской коммуны. Как подчёркивает Л.П. Лаптева, изменилось отношение чешских учёных и к «заграничным» походам таборитов и сирот, которые прежде расценивались только как «агитационные».¹³⁷

Вопрос о каких-либо иных целях походов послевоенной историографией даже не ставился. В реальности же целью этих походов было не только «устрашение» соседей демонстрацией своей военной силы, но и пополнение запасов, дефицит которых в Чехии сильно ощущался. По мере разложения Табора экспедиции нередко принимали откровенно мародёрский характер, хотя гуситы и не забывали об идейной стороне дела - защите и пропаганде революционной программы. Современная точка зрения, заключает Л.П. Лаптева, сводится к тому, что, хотя гуситские войска были главной силой знаменитых побед, хотя им принадлежало первенство в борьбе за радикальную программу, однако необходимость содержания армии за счёт реквизиций и, тем более, мародёрство привели к падению популярности

¹³⁵ Лаптева Л.П. История Чехии периода феодализма (V середина XVI в.). М., 1993. Учебное пособие. С. 71—95.

¹³⁶ Лаптева Л.П. Реформатор второго плана // Человек второго плана в истории. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 2, С. 56-59; Лаптева Л.П. Табориты, их социальный состав и идеология в освещении русской литературы XIX начала XX вв. // Советское славяноведение. 1971. № 4. С. 26-40.

¹³⁷ Лаптева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985. С. 122-140.

«гуситских бойцов». Итогом деятельности гуситов во время гражданской войны стали разложение внутри войск и изоляция армии от народа. Эти обстоятельства и обусловили поражение таборитов в битве у Липан и завершение радикальной фазы движения.¹³⁸ По словам историка И.И. Бучанова, статьи, книги и другие работы Л.П. Лаптевой не теряют своей актуальности до сих пор. За это время отмеченная ею концепция взгляда на гуситские войны утвердилась в России и Чехии, и составляет основу фундаментальных исследований ученых, как в этих странах, так и в других странах запада.¹³⁹

В начале 90-х годов XX века попытку разобраться в сущности гуситского движения предпринял известный специалист по либерально-позитивистской историографии гусизма второй половины XIX в. А.Н. Галямичев. Он подчеркнул, что при выявлении причин и характера гуситского движения важным является анализ эволюции чешского города в достаточно длительной временной перспективе, и обратил внимание на недостаточную изученность этой проблематики.¹⁴⁰ В дальнейшем именно А.Н. Галямичев исследовал историю, экономическое и социальное развитие раннего чешского города, выявил его отличия от городов других средневековых государств. В частности, Галямичев оперирует влиянием различных толкований христианской религии на ход ведения боевых действий, а также уделяет внимание тактике войны в городах во время Гуситских войн.¹⁴¹

Характеристика новейшей литературы по ряду проблем содержится и в работах историка и обществоведа А.В. Рандина. Им, в частности, исследована современная литература, посвященная гуситскому архиепископу

¹³⁸ Лаптева Л.П. Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX-начала XX в. // Вопросы истории славян. Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 117—134.

¹³⁹ Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография. М., 2010. С. 100.

¹⁴⁰ Галямичев А.Н. К проблеме истолкования сущности гуситского движения // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1990. С. 18-125.

¹⁴¹ Галямичев А.Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X — начала XIII вв.). Саратов., 1995. С. 24-48.

Яну из Рокицан.¹⁴² В статье А. В. Рандина «Чешская и немецкая Реформация (некоторые аспекты взаимодействия)» указывалось на необходимость пересмотра некоторых укоренившихся стереотипов в оценке европейской Реформации. К спорным проблемам он отнес периодизацию и определение самого этого понятия как исторического явления. По мнению автора, Реформация состояла не только в межконфессиональном конфликте католицизма и протестантизма, она отличалась также возникновением в обеих церквях многочисленных ответвлений и течений и наличием национальных конфессий (например, Общины чешских братьев).¹⁴³

А.В. Рандин также дал сравнительный анализ русской дореволюционной и чехословацкой историографиям гусизма 60-80 годов XIX века, обратил внимание на отставание русской историографии от чешской по ряду важных вопросов, и раскрыл позицию современной чешской историографии по ним.¹⁴⁴

В 1991 г. в сборнике «Вопросы историографии зарубежной истории» вышла статья А.В. Рандина и Е.Д. Кульшетова «Советская историография гуситского движения». В ней авторы во многом пересмотрели прежние взгляды на советскую историографию гусизма. Они выдвинули новую концепцию советской гуситологии, согласно которой ее развитие рассматривалось в контексте мирового, и, прежде всего, чехословацкого, гуситоведения. В совместном исследовании Е.Д. Кульшетов и А. В. Рандин подробно охарактеризовали подходы современной чешской историографии, так как в советской историографии ещё на тот момент (1991 г.) предлагалась марксистская точка зрения. Одним из важнейших, по мнению авторов статьи, стал вывод чешских учёных о постоянной эволюции взглядов основных лидеров гуситского движения, что наиболее ярко отражают результаты

¹⁴²Рандин А.В. Гуситский архиепископ магистр Ян Рокицана. // Вестник МГУ, сер. 8. История, №3, 1994. С. 50-62.

¹⁴³Рандин А.В. Гуситская революция. Йошкар-Ола.,1994, С. 56-58.

¹⁴⁴Рандин А. В. Русская дореволюционная историография об истории Пражского университета (1348–1434 гг.). Вестник Московского университета. Сер. История. 1986. № 1. С. 71–81.

новейших исследований Табора и трудов консервативных утравкистов. А.В. Рандин охарактеризовал и новые подходы современных чешских историков в плане включения гуситской революции в контекст общеевропейской реформации (теория «первой» и «второй» реформации, сформулированная А. Мольнаром и Р. Каливодой). Как представляется, проанализированный материал позволяет выполнить поставленные цели и задачи.¹⁴⁵ Авторы выделили несколько этапов в развитии советской историографии гуситского движения. На первом этапе (1917-1938) гуситское движение исследовалось в основном историками «старой школы», отсутствовали квалифицированные кадры историков-марксистов, а славяноведение как наука фактически прекратила свое существование. По мнению исследователей, о становлении марксистской концепции в советской историографии: можно говорить лишь на втором этапе ее развития (1938-1945), когда в СССР возникли славистические центры, и появились первые марксистские работы по гуситской проблематике. На третьем этапе, который продолжался с середины 40-х до середины 50-х гг. XX в., сформировалась группа специалистов-гуситоведов, а в истории Чехии гуситского периода выделился ряд проблем. Разработкой этих проблем стали заниматься такие видные исследователи как Б.М. Руколь, Г.Э. Санчук, А.И. Озолин, Г.И. Липатникова, Л.П. Лаптева, Б.Т. Рубцов и ряд других. Четвертый этап в развитии советской гуситологии наступил, по мнению авторов, с середины 1950-х гг., когда окончательно определилась общая марксистская концепция гуситского движения, опиравшаяся на известное высказывание Ф. Энгельса о том, что это - «национально-чешское революционное движение, ядром которого была крестьянская война». Причем, если с середины 1950-х до начала 1970-х гг. в советской историографии наблюдался повышенный интерес к гуситской проблематике, то с середины 1970-х гг., по мнению данных авторов, наступил «упадок творческой активности» и отход многих историков от

¹⁴⁵Рандин А.В., Кульшетов Е.Д. Советская историография гуситского движения // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.64-77.

разработки гуситской проблематики. И, наконец, современный этап развития советской гуситологии, как считали исследователи, наступил в 1980-е гг., когда начали пересматриваться многие устоявшиеся взгляды на гуситскую проблематику, появились молодые исследователи-гуситологи, и наметилось некоторое сближение позиций советских и чехословацких историков.¹⁴⁶

Историк Б.Д. Порозовский в своей книге «Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: биографические очерки», изданной в 1995 г., составил исторические портреты самых знаменитых фигур европейской Реформации. В книгу вошли художественно-биографические очерки о наиболее ярких исторических личностях эпохи Реформации и контрреформации, когда в Европе ширилось движение против господства католической церкви. По словам автора, этой борьбе посвятили свою жизнь национальный герой чешского народа Ян Гус, основатели нового направления в христианстве – протестантизма: Мартин Лютер и Жан Кальвин. В книге рассказывается о таких зловещих фигурах мировой истории, как глава испанской инквизиции Томас Торквемада и безжалостный фанатик, основавший орден иезуитов, Игнатий Лойола. Ян Гус занимает в книге хронологически первое место и предстаёт в роли первопроходца, посягнувшего на идеалы Священной Римской Империи проложившего дорогу потомкам. Автор приводит цитату, которой Ян Гус в одной из проповедей якобы предсказал появление через сто лет великого реформатора, чьи начинания не будут уничтожены (Мартина Лютера), сказав: «Я-то — Гусь, а за мной придёт Лебедь!». Автор небезосновательно представляет магистра Пражского университета в положительном свете, апеллируя научными заслугами и силой его личности. В первую очередь сила влияния личности Гуса для истории состоит в том, что он был образованным человеком, мыслителем, издававшим труды по лингвистике и риторике, и кроме этого он успел побывать ректором Пражского университета. Ян Гус,

¹⁴⁶Рандин А.В., Кульшетов Е.Д. Советская историография гуситского движения // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С. 75.

по словам автора, опередил своё время и решил в корне, радикально изменить жизнь общества, которое ещё было не готово к изменениям. Он хотел переделать в одночасье религиозную систему, которая требовала медленных, постепенных перемен, за что и поплатился жизнью.¹⁴⁷

Мельников Г.П., кандидат исторических наук, профессор Государственной академии славянской культуры, старший научный сотрудник Института Славяноведения РАН, в своей статье «Гуситская Чехия: раннереформационный тип культуры?» называет гуситское движение противоречивым явлением в истории Чехии и всей Европы. При этом данный автор говорит о религиозных преобразованиях гуситов как о «чешской национальной реформации, опередившей общеевропейскую Реформацию XVI в. на целое столетие».¹⁴⁸ Чешская культура гуситской эпохи автором названа раннереформационной, при которой был выработан ряд инноваций, впоследствии развитых немецкими реформаторами во главе с Мартином Лютером. Автор перечисляет ряд положительных нововведений гуситских проповедников, такие как «проповедицентризм» гуситской культуры – стремление самим толковать Библию, что обусловило значительное распространение грамотности среди населения, красноречие и ораторское искусство самих проповедников гусизма, аскетизм гуситской культуры и ненависть к роскоши, демократизм языка проповедей, их доступность народу, обогащение гуситами чешского фольклора различными народными произведениями.¹⁴⁹

Автор останавливается и на повышенном значении для гуситов военного дела. «Милитаризация сознания, окрашенная религиозно, позволяет говорить об особом боевитом характере гуситской культуры в целом. Бой мечом, пером и словом делает чешскую культуру наиболее агрессивной в Европе XV

¹⁴⁷Порозовский Б.Д. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: биографические очерки. М.,1995. С. 45-61.

¹⁴⁸ Мельников Г. П. Гуситская Чехия: раннереформационный тип культуры? // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 377.

¹⁴⁹ Там же. С. 380.

в.»¹⁵⁰ К отмеченным положительным особенностям Г.П. Мельников добавляет публицистичность изобразительного искусства гуситов, в частности автор приводит в пример миниатюры Йенского кодекса рубежа XV-XVI вв., которые несут почерк сатиры и обличения пороков Римской Империи.

О событиях гуситского периода автор судит с центристских позиций, поэтому в статье приведены и положительные и отрицательные стороны гуситской культуры. Из отрицательных особенностей, помимо чрезвычайной воинственности движения, автор усматривает то, что, несмотря на ораторское искусство идеологов гусизма, светское красноречие и принципы античной риторики остались чужды гуситам, а гуманизм в глазах гуситов связывался с обликом вражеской римской курии и не приветствовался.¹⁵¹ Радикализм гуситов тоже осуждается автором, так как гуситы ради аскезы хотели отойти от своего прошлого с помощью запретов таких естественных явлений общества как традиционная народная культура. В своих культурных преобразованиях гуситы, по словам автора, стали историческим прообразом культуры кальвинизма и других культур пуританского типа.¹⁵²

Автор отмечает присущую гуситскому сознанию идею богоизбранности чешского народа. Тезис Иеронима Пражского «*sacro sancta nation boemica*» дал то, что нужно было чешскому народу в гражданской войне – уверенность в своей правоте. Здесь внимание автора остановилось лишь на обычном течении событий любой гражданской войны в стране, так как он здесь отмечает, что богоизбранность – это историческая закономерность и именно этот аспект присущ большинству народов на разных этапах истории и не связан с реформационными идеями.¹⁵³

В заключение Г.П. Мельников констатирует, что гуситское движение вобрало в себя все виды культурно-исторических типов средневекового

¹⁵⁰ Мельников Г.П. Гуситская Чехия: раннереформационный тип культуры? // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 378.

¹⁵¹ Там же. С. 381.

¹⁵² Там же. С. 380.

¹⁵³ Там же. С. 382.

общества как переход к Реформации XVI в., давая понять, что Гуситские войны имели все признаки предыдущих аналогичных событий в соседних европейских странах.¹⁵⁴

Позиции того, что Гуситские войны в целом мало повлияли на историю Чехии, придерживается А.А. Свечин в своей книге «Эволюция военного искусства», где автор практически полностью отрицает влияние событий гуситских войн 1420 – 1434 гг. на последующую судьбу Чехии. В своей книге Свечин доказывает то, что события последующие за Гуситскими войнами, такие как, например потеря независимости Чехией и вхождение в Австро-Венгерскую империю, гораздо сильнее оказали влияние, нежели гражданская война и Реформация. Автор доказывает и приводит аргументы в пользу того, что чешский народ, пытаясь в борьбе одержать победу в Гуситских войнах и свалить с себя религиозные оковы Священной Римской империи, только ослабил страну, подкосил экономику и культуру Чехии, а религиозные течения гуситов вроде чешскобратской церкви, братьев-подобоев и других «сект» в большинстве своём были изгнаны из богемских земель, истреблены или бежали после событий гуситских войн, то есть в дальнейшем не оказывали практически никакого культурного влияния на территории Чехии. Автор останавливается лишь на Яне Амосе Коменском как на потомке идей гуситов, приверженце чешскобратской церкви, хотя при этом добавляет, что умер тот тоже на чужбине, то есть сквозь века Чехия плохо относилась к своим гуситским сынам.¹⁵⁵ Главное последствие гуситского движения, боевых действий и смены династической власти на правление Иржи из Подебрад автор видит лишь в ослаблении и истощении чешского государства.¹⁵⁶ Этот немаловажный фактор в дальнейшем сыграл на руку Австро-Венгрии и упростил ей миссию по завоеванию богемских земель. Культурное и социальное развитие во времена гражданской войны 1419 –

¹⁵⁴ Мельников Г.П. Гуситская Чехия: раннереформационный тип культуры? // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 383.

¹⁵⁵ Свечин А.А. Эволюция военного искусства (Гуситские войны). Спб.; 2000. С. 76-92.

¹⁵⁶ Там же. С. 122-124.

1434 г., по словам автора, также были замедлены и отнесены на второй план, что пагубно повлияло, как и сами боевые действия, на развитие чешского общества.¹⁵⁷

¹⁵⁷ Там же. С. 100-111.

Заключение

Гуситология является одной из самых развитых научных направлений не только отечественного, но и мирового славяноведения. Она широко распространена не только в России и Чехии, но и во многих странах Центральной и Восточной Европы (Германия, Австрия, Польша), в Великобритании и США. Предметом ее исследования является гуситское движение как явление не только средневековой истории Чехии, но и всей Европы и феномен раннереформационных движений на рубеже средних веков и Раннего Нового времени. Как научное направление гуситология широко применяет междисциплинарный подход (это характерно в большей степени для европейской, прежде всего, чешской гуситологии, отечественные гуситологи его практически не используют). Исследованиями по гуситской проблематике в настоящее время занимаются специалисты самых разных отраслей научного знания: историки, археологи, филологи, литературоведы, демографы, социологи и т. д.).

В данной работе было проанализировано развитие отечественной и зарубежной историографии гуситского движения, исследованы и освещены представители западной и отечественной историографии, их основные работы по тематике Гуситских войн.

Ранняя чешская историография представлена хрониками современников гуситского движения Лаврентием из Бржезовой и Бартошеком из Драгониц. В историографии гуситского движения в Чехии XVII в. огромную роль играют патриотические произведения Б. Бальбина «Различные сведения по истории Чешского королевства» и «История Чехии». Чешская историография XVIII – XIX вв. представлена именами Ф. Пелцла, основателем научной славистики Й. Добровского, позитивистом Э. Арнольдом, Ф. Палацким и К.Я. Эрбеном, писавшими в духе романтизма. На рубеже XIX и XX вв. творили позитивисты В.В. Томек, Я. Седлак, М.В. Кротохвил, Я. Голл, К. Крофта, критик гусизма Й. Пекарж. Чешские историки XX в., занимавшиеся

гуситским движением представлены марксистами З. Неедлы, Й. Мацеком, Ф. Граусом, Р. Каливодой. Позитивистами являлись Р. Урбанек и Ф.М. Бартош, историками конфессионального направления были А. Мольнар и Я. Кадлец. Наиболее известными современными гуситологами являются Ф. Шмагель, Я. Кейрж, Р. Фёрстл, Т. Крзенцк, В. Герольд. Самые известные работы западной нечешской историографии гуситских войн принадлежат немецким исследователям К. Марксу, Ф. Энгельсу, К. Каутскому, Ф. Зайбту, М. Веберу.

В качестве предыстории исследуемой проблемы развития отечественной историографии рассматривался период с середины XIX в. до 1917 г. как этап постепенного угасания дореволюционной российской гуситологии и формирования ее марксистского аналога. Известнейшие представители отечественной дореволюционной историографии Гуситских войн Н.И. Серебрянский, Н.В. Ястребов, А.А. Кочубинский, И.С. Пальмов. Отечественная гуситология советского периода прошла сложный путь развития от первых статей, где намечались контуры основных вопросов гуситской проблематики до монографической разработки его фундаментальных проблем. По сравнению с русской историографией XIX — начала XX вв. советские историки (особенно в послевоенное время) сделали шаг вперед. Главный упор делался теперь на разработке не столько религиозных и национальных, сколько социально-экономических аспектов гуситского движения, стали привлекаться данные смежных научных дисциплин (литературоведения и филологии), активнее анализировались источниковедческие и историографические проблемы. Советские историки-специалисты по тематике гуситского движения многочисленны, так как в СССР Гуситские войны преподносились в духе классовой борьбы. Самые известные имена исследователей — это Б.Т. Рубцов — советский исследователь истории Чехии, он же являлся самым авторитетным историком в этом вопросе, А.И. Озолин, Г.И. Липатникова, Б.М. Руколь, Г.Э. Санчук, Ю.Ф. Иванов, А.В. Рандин, Л.П. Лаптева. Наиболее авторитетными трудами советского времени по тематике гуситского движения являются три

книги Б.Т. Рубцова «Ян Гус», «Гуситские войны» и «Подвиги таборитов», которые не потеряли актуальности и в наши дни. Современные историки-специалисты по гуситскому движению Л.П. Лаптева, А.В. Рандин, И.И. Бучанов, А.Н. Галямичев, Г.П. Мельников занимаются как изучением самого гуситского движения, так и его историографией.

В работе было произведено сравнение характера научных трудов на разных этапах изменения общественного, научного и политического отношения к историческим событиям гуситского периода в Чехии, которые в разные годы интерпретировались через призму социально-политических течений, правивших в той или иной стране. Чешская историография в плане характера оценки последствий Гуситских войн практически всегда принимала позитивную сторону, как в период романтизма XIX века, так и в социалистический период. На данный момент чешские историки в вопросе наследия гуситов больше придерживаются центристских позиций. Отечественная историография тоже в основном оценивала гуситское движение в позитивном ключе, разница состояла лишь в подходах к изучению данного периода в истории Чешского государства. Дореволюционная историография в основном опиралась на единение славянских народов в противоборстве с католичеством, чем руководствовались дореволюционные исследователи, говоря о главной силе гуситов – противоборстве Священной Римской Империи. Советская историография гуситского движения, появившаяся в 1930-е годы, взяла за основу марксистско-ленинскую диалектику, здесь гуситы уже выступали как народные массы, противостоящие католическим захватчикам, а Гуситские войны стали полномасштабной классовой борьбой за справедливость и равенство. Независимый взгляд как на всю историю, так и на историю гуситского движения стал формироваться лишь в конце 1980-х – 1990-е гг., когда марксистская концепция изучения истории сменилась многообразием взглядов и суждений. Авторы исторических трудов получили возможность свободно выражать собственное мнение. Сформировавшаяся в XX в.

славистика в университетах западной Европы и США, изначально предполагала независимый взгляд на исторический процесс развития славянских государств, что преобладало и в изучении Гуситских войн западноевропейскими и американскими историками. Такая же тенденция преобладает сегодня в трудах российских историков, посвящённых изучению гуситов.

В данной работе проведена оценка точек зрения авторов и их отношения к проблематике гуситского движения. Приведены примеры, как в разное время гуситское движение, в зависимости от политической и историко-научной конъюнктуры, получало различные противоречивые оценки. Гуситские войны признавались высшим и самым значительным событием национальной истории Чехии, как это было в период чешского романтизма (Ф. Палацкий, К.Я. Эрбен), или в период марксизма в странах социалистического лагеря (Б.Т. Рубцов, Г.Э. Санчук, А.И. Озолин, З. Неядлы, Й. Мацек). Все историки-марксисты, разумеется следовали примеру взгляда Карла Маркса и Фридриха Энгельса на Гуситские войны. Значение гуситского периода рассматривалось и с отрицательной стороны, умалялась его роль в историческом процессе, в частности такой точки зрения придерживались некоторые немецкие историки, такие как М. Вебер и К. Хефлер. С центристских позиций гуситское движение стало освещаться только в современной историографии Чехии и России, когда над историками было ослаблено давление идеологии. Центристскую позицию взгляда на Гуситские войны занимают немецкий историк Ф. Зайбт и американские историки Р. Кернер, Д. Классен, Ф. Гейманн.

Литература:

1. Бартош Ф.М. Пражский университет Карла IV до Кутногорского декрета. М., 1965.
2. Бартош Ф.М. Якоубек из Стршибра. М., 1963.
3. Бартошек из Драгониц. Хроника Бартошека из Драгониц. М., 1963.
4. Беляева Т.П. Военный устав Яна Жижки. // Т.П. Беляева; Правоведение – 1961.-№1.- С.153-156.
5. Богданова И. А. К. Я. Эрбен: Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963.
6. Бучанов И.И. Гуситское движение: отечественная историография. М., 2010.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М., 1990.
8. Виппер Ю.Б., Самарин Р.М. Курс лекций по истории зарубежных литератур XVII века. М., 1954.
9. Галямичев А.Н. К проблеме истолкования сущности гуситского движения // Из истории социально-этических и политико-правовых идей. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 1990. С. 18-125.
10. Галямичев А.Н. Экономическое и социальное развитие раннего чешского города (Прага X — начала XIII вв.). Саратов., 1995.
11. Гаркуша Л.М. Изучение чешской гуситологии в период 1989-2005// Вопросы истории славян. 15/2006. С. 319-367.
12. Гаркуша Л.М. Литература как инструмент борьбы за новые идеи в Чехии XV века//Зарубежные славяне в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 37-56.

13. Гаркуша Л.М. Новый подход в чешской историографии к источниковой базе гусизма (80-90-е годы XX века)//Вопросы истории славян. Воронеж, 16/2004. С.221-234.
14. Гаркуша Л.М. Сигизмунд Люксембургский (1368-1437) как политик // Вопросы истории славян. Воронеж, 15/2001. С. 49-68.
15. Герольд В. Пражский университет и Виклиф: учение Виклифа об идеях и эволюция гуситского революционного мышления. М., 2006.
16. Голл Я. Богемия в средневековье. М., 1948.
17. Граус Ф. Гражданская и религиозная война в Чехии. Л., 1970.
18. Зайбт Ф. Чехи, словаки и немцы: Хроника осложненных взаимоотношений // Журнал политического образования. Спб., 2009. С.7-10.
19. Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в русской историографии // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 52-63.
20. Иванов Ю.Ф. Гуситское движение в советской историографии (конец 30-х - начало 50-х годов) // Советское славяноведение, 1982, № 3. С. 43-52.
21. Кадлец Я. Католичество и гуситское движение. Христианская история Богемии. Л., 1955.
22. Каливода Р. Гуситская революция при Иржи из Подебрад // Вестник МГУ, 13/1999. С. 387-393.
23. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. М., 1918.
24. Кейрж Я. Гуситы.-М.:, 1989.
25. Кейрж Я. Гуситские войны и табориты // Вестник МГУ 12/1999. С. 89-94.
26. Кочубинский А.А. Братья-подобой и чешские католики в начале XVII века. М., 2011.
27. Крзенцк Т. Проблемы историографии Гуситских войн // Вестник МГУ 95/1997. С. 460-472.
28. Кротохвил М.В. Ян Гус. М.,1959.

29. Крофта К. История Чехии. М., 1946.
30. Крылов П. Провозвестники Реформации: Ян Гус // П.Крылов. Церковь Ингрии. 2004.- №2 – С.50.
31. Кумпан П.И. Ян Жижка. М., 2002.
32. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.
33. Лаптева Л.П. Гуситское движение в Чехии XV в. /Учебно-методическое пособие. М.,1990.
34. Лаптева Л.П. Гуситское движение в освещении чехословацкой историографии последнего десятилетия (1970-1990) // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С. 77-95.
35. Лаптева Л.П. А. Дювернуа и его работы по истории славян // Советское славяноведение. 1978. №3. С. 59-73.
36. Лаптева Л.П. Иероним Пражский в русской историографии XIX – начала XX вв. // Вестник Московского университета. 1970. Сер. История. № 6. С. 43-55.
37. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
38. Лаптева Л.П. История Чехии периода феодализма (V – середина XVI в.). М., 1993.
39. Лаптева Л.П. Источниковедение истории южных и западных славян. М., 1999.
40. Лаптева Л.П. Община чешских братьев в освещении русской дореволюционной историографии XIX – начала XX в. // Folia Historica Bohemica (далее FHB). 13. Praha, 1990. С. 369-425.
41. Лаптева Л.П. Освещение гуситского движения в новейшей исторической литературе США // Вестник Московского университета. 1961. № 1. С. 58-72.
42. Лаптева Л.П. Петр Хельчицкий в освещении русской дореволюционной историографии // FHB. 6. Praha, 1985. С. 175-234.

43. Лаптева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 г.). М., 1985.
44. Лаптева Л.П. Пражский университет в русской историографии второй половины XX в. // Вопросы истории славян. Воронеж, 1999. Выпуск 14. С. 137—153.
45. Лаптева Л.П. Проблема гуситского движения в новейшей американской и английской исторической литературе // Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 370-381.
46. Лаптева Л.П. Реформатор второго плана // Человек второго плана в истории. Ростов-на-Дону, 2005. Выпуск 2. С. 26-54.
47. Лаптева Л.П. Рецензия на книгу: История культур славянских народов. М., 2003. Т. 1. Древность. // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 163-165.
48. Лаптева Л.П. Рецензия на книгу: Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1988 // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 91-96.
49. Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения. (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1978.
50. Лаптева Л.П. Русская литература о гуситском движении (40-е гг. XIX в. 1917 г.). Автореферат докт. дисс. М., 1972.
51. Лаптева Л.П. Табориты, их социальный состав и идеология в освещении русской литературы XIX начала XX в. // Советское славяноведение. 1971. № 4. С. 26-40.
52. Лаптева Л.П. Чешская культура в период гуситского движения в Чехии XV в. // Средневековая городская культура. Тверь, 1991. С. 47-62.
53. Лаптева Л.П. Чешская феодальная история в освещении русской историографии XIX-начала XX в. // Вопросы истории славян. Воронеж, 2001. Выпуск 15. С. 117—134.

54. Лаптева Л.П. Чешский мыслитель XV в. Петр Хельчицкий в русской историографии. Петр Хельчицкий и Лев Толстой // Вестник Московского университета. 1996. №3. С. 48-56.
55. Лаптева Л.П. Ян Гус и немецкая реформация в освещении русской литературы XIX – начала XX вв. // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971. С. 282-328.
56. Лаштовичка М. Смутное время после Гуситских войн. Спб., 1990.
57. Ленц А. Предвестники и предшественники Реформации в XIV и XV веке. М. 1957.
58. Ленц А. История Западной философии. Л., 1963.
59. Липатникова Г.И. Ян Гус // Вопросы истории славян. Воронеж, 1966. Выпуск 2. С. 3–25.
60. Липатникова Г.И. К изучению гуситского революционного движения в русской дореволюционной историографии // Вопросы истории славян. Воронеж, 1963. Выпуск 1. С. 69-92.
61. Липатникова Г.И. К проблеме феодальной интеллигенции (на материалах истории Пражского университета) // Вопросы истории славян. Воронеж, 1985. Выпуск 8. С. 3–15.
62. Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. М., 1939. Т. 6.
63. Мацек Я. Табор в гуситской революционной борьбе. М., 1990.
64. Мельников Г.П. Гуситская Чехия: раннереформационный тип культуры? // Средние века. 1997. Вып. 60. С. 377-383.
65. Мольнар А. Протестантизм в Богемии. М., 1960.
66. Неedly З. Избранные труды / Пер. с чешского. — М., 1960.
67. Неedly З. История гуситского движения. М., 1954-1956.
68. Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов. 1962.
69. Озолин А.И. Средневековый город. Саратов. 1974.
70. Палацкий Ф. Гуситы в Моравии. М., 1939.

71. Пальмов И.С. Чешские братья в своих конфессиях до начала сближения их с протестантами в конце первой четверти XVI столетия. П., 1904, Т. 1, 2.
72. Пашинин А.П. Участие шляхты в Гуситском движении в освещении чешской историографии XIX-XX вв. // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. 2011. №6. С. 93-102.
73. Пекарж Я. Гуситы. М., 1953.
74. Порозовский Б.Д. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола: биографические очерки. М., 1995.
75. Послания магистра Иоанна Гуса. Praha, 1954. S.68, пер. Н.А. Русаковой.
76. Проповеди Яна Желивского. Взгляды радикального крыла Гуситов. Praha, 1954, пер. Н.А. Русаковой.
77. Разин Е.А. История военного искусства (Чехия XI-XV вв.). М., 1990.
78. Рандин А.В. Гуситская революция. Йошкар-Ола, 1994.
79. Рандин А.В. Гуситский архиепископ магистр Ян Рокицана // Вестник МГУ, сер. 8. история, №3, 1994. С. 50-62.
80. Рандин А.В. Похождения русского гусита в Чехии и Словакии // Родина, 2001 – №1 – С. 30.
81. Рандин А.В. Русская дореволюционная историография об истории Пражского университета (1348–1434 гг.). Вестник Московского университета. Сер. История. 1986. № 1. С. 71–81
82. Рандин А.В., Кульшетов Е.Д. Советская историография гуситского движения // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1991. С.64-77.
83. Рандин А.В. Чешская и немецкая реформация // Вопросы историографии зарубежной истории. Межвузовский сборник трудов. Йошкар-Ола, 1993. С.136-140.
84. Ревзин Г. Ян Жижка. М., 1952. Жизнь замечательных людей.
85. Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1959.

86. Рубцов Б.Т. Подвиги таборитов. М., 1961.
87. Рубцов Б.Т. Ян Гус. М., 1958.
88. Руколь Б.М. История общественной мысли. М., 1972.
89. Руколь Б.М. Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты. М., 1978.
90. Санчук Г.Э. Гуситское движение в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С.44-59.
91. Свечин А.А. Эволюция военного искусства (Гуситские войны). Спб; 2000.
92. Седлак Я. История Христианской Церкви. М., 1960.
93. Серебрянский Н.И. Ян Гус, его жизнь и учение. Псков, 1915.
94. Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2.
95. Соколов Б.В. 100 великих войн. М., 2001.
96. Томек В.В. Ян Жижка и Ян Гус: революционное наследие. Л., 1937.
97. Урбанек Р. Битва у Липан. Л., 1934.
98. Урбанек Р. Иржи из Подебрад. Л., 1962.
99. Урбанек Р. Липаны в конце гуситских войн. М., 1965.
100. Ферстл Р. Образ гуситов и гусизма в трудах чешских историков эпохи барокко после Богуслава Бальбина // Славяноведение. 2004. № 4. С. 68-76 (перевод И.И. Бучанова).
101. Цисарж Ч. Ленинизм и гуситология // Чехия 96/1998. №5. С. 268-300.
102. Smahel F. Drobne otazky v studentskem zivote mistra Jeronyma Prazskeho // Cesky casopis historicky. Praha, 2008. Roc. 106. S. 1. S. 1-18(перевод И.И. Бучанова).
103. Шмагель Ф. Гуситы 1994/95 – 1997 // Чехия 95/1997. №.3-4. С. 702-740.
104. Шмагель Ф. Гуситская революция. Спб., 1998. Т. 1-4.
105. Шмагель Ф. Гуситское движение в Чехии XV века. Спб., 2001.

106. Энгельс Ф. Борьба в Венгрии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6.
107. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения Т.7.-Л., 1960.
108. Ястребов Н.В. Этюды о Петре Хельчицком и его времени. Спб., 1908.